

ПРИХОДСКАЯ №75

ИЮЛЬ–АВГУСТ 2011

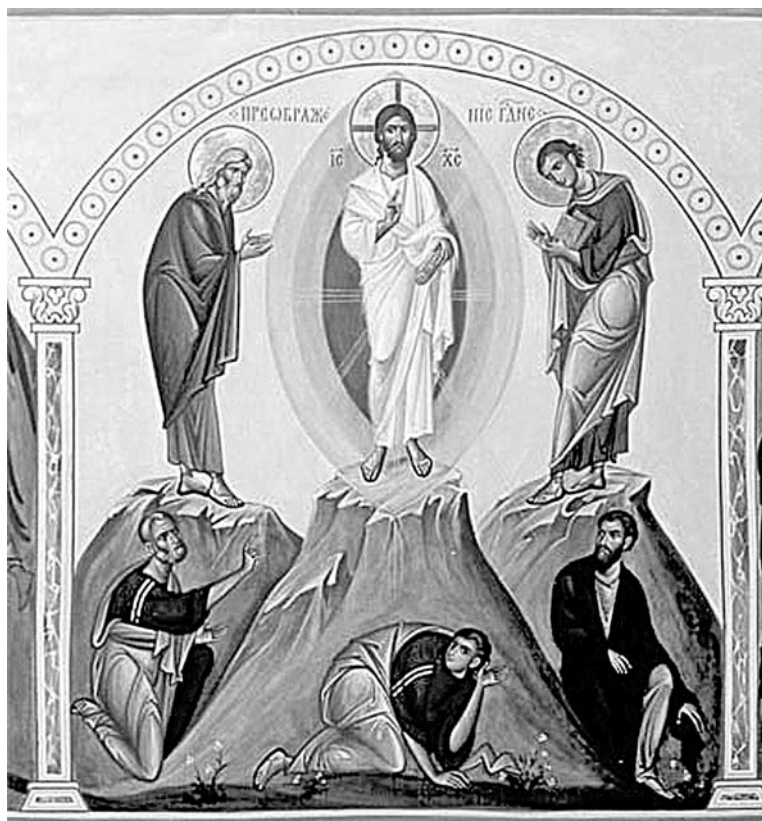
Газета

ХРАМА СВВ. БЕСЕР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

ПРАЗДНИК СВЕТА

Преображение Господне. Архимандрит Зинон

*...Да воссияет и нам грешным
свет Твой присносущный,
молитвами Богородицы,
Ввек дабче, слава Тебе.*

Из тропаря Преображения Господня

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Наши праздники 2

К 20-летию провала путча

О. Александр Борисов и прихожане
вспоминают...

4

Памяти о. Александра Меня

В. Грудский:

Он распахнул дверь и включил свет

8

Пути к свободе

Майская конференция прихода 12

PRO и CONTRA

Прилично ли быть православным?

А. Кондрашову отвечает А. Десницкий 15

Прот. Александр Шмеман

«Взять в руки целый мир, как яблоко простое»

Из беседы на Преображение Господне

В день праздника Преображения, согласно древнему обычаю, совершается в православных храмах освящение фруктов и овощей... Почему с незапамятных времён люди и испытывали

нужду в *освящении*? Скажем сразу, что для безбожной пропаганды все эти обряды безоговорочно отождествляются с суевериями, в которых, как она говорит, вся сущность религии. А суеверие от страха: человек боится. Боится отравы, боится неурожая, боится пожара, боится других людей, и вот религия, дескать, предлагает ему помочь избавиться от этого страха. Окропи фруктов, или огород, или дом святой водой — и Бог защитит их и тем самым тебя...

Однако, представляя дело так, безбожная пропаганда никогда не приводит ни самих молитв, ни обрядов, связанных с этими якобы суевериями... Но если вслушаться в эти молитвы, взглянуть в эти обряды, если хоть раз в жизни пережить радость этого светлого, солнечного преображенного полдня, когда совершается освящение, то ясно становится, что обманывает не Церковь, а примитивная и злобная безбожная пропаганда. Что именно эта пропаганда, а не молитва Церкви пронизана страхом, недоверием, потребностью развенчать всё, что выше, чище, глубже её упрощённого, материалистического, скучного подхода к миру и к жизни. Ибо первое, что мы видим, слышим, переживаем в обрядах и молитвах освящения, — это радость и благодарность. А там, где страх, там не может быть радости и благодарности. И наоборот — там, где радость, — там уже нет страха. «В страхе, — говорит святой апостол Иоанн Богослов, — есть мучение». Но вот именно мучения, недоверия нет в преображенском свете.

Но о чём радость? И за что благодарение? В одном стихотворении Осипа Мандельштама, посвящённом главному христианскому богослужению — литургии, есть такая удивительная строчка: «взять в руки целый мир, как яблоко простое...» Тут, может быть, лучше всего, ибо так просто, по-детски, указан источник радости и благодарения, пронизывающих христианскую веру. В яблоке, но, конечно, не только в яблоке, но и во всём в мире вера видит, узнаёт, принимает *дар*

Божий, наполненный любовью, красотой, мудростью, говорящий о той безмерной любви, что создала мир и жизнь и дала нам их как *нашу* жизнь. Сам мир есть как бы *плод* Божественной любви к человеку, и только через мир узнаёт человек Бога и любит Его ответной любовью... И любит свою жизнь, а тем самым и жизнь мира претворяет в *дар Богу*.

Наше падение, наш грех в том, что мы ко всему привыкаем, и потому всё в мире, да и мы сами, становится будничным, низменным, пустым. Яблоко становится только яблоком. Хлеб — только хлебом. Человек — только человеком. Мы знаем их вес, наружность, функции, мы всё знаем о них, но мы их уже больше не знаем, ибо не видим света, просвечивающего через всё в мире. И вечное назначение веры и Церкви в том, чтобы эту греховную, унылую привычку преодолеть. Чтобы снова дать нам увидеть то, что разучились мы видеть... почувствовать то, чего не чувствуем, пережить то, что больше не в состоянии переживать.

В день Преображения приносим мы в храм яблоки, груши, виноград, овощи — и на миг сам храм претворён снова в таинственный сад, в тот блаженный рай, в котором началась жизнь человека и встреча его с Богом.

Вот освящает священник хлеб и вино и поднимает их к небу, и узнаёт вера в них хлеб жизни, узнаёт жертву и дар, узнаёт причастие жизни вечной.

Вот в день Преображения приносим мы в храм яблоки, груши, виноград, овощи — и на миг сам храм претворён снова в таинственный сад, в тот блаженный рай, в котором началась жизнь человека и встреча его с Богом. И как тогда тот первый человек раскрыл свои глаза, и увидел этот мир, о котором Бог сказал, что всё в нём «хорошо весьма», и обрадовался, и возблагодарил Бога, так и мы как будто в первый раз видим мир как отражение Божьей мудрости и любви, и радуемся, и благодарим. И в этой радости и благодарении очищается, обновляется и возрождается жизнь.

...«Небо и земля исполнены славы Твоей», — поём мы каждый день в церкви. В том смысл *освящения*, что в нём слава эта пробивается через наше заснувшее сознание и очищается наш слух, очищается наше зрение, и сама жизнь становится хвалой, радостью и благодарностью.

А как же со злом, — спросят меня, — как со страданием, как со смертью? На это ответим: если до конца просветимся мы этим светом, если подлинно примем в себя это освящение, то начнётся в нас самих победа над злом. И поглощена будет смерть победой. Ибо живём мы в мире, в котором жил и вечно пребывает Христос. И ничто не разделит нас с Ним, если мы увидим Его, полюбим Его, отдадим себя Ему — и во всём мире увидим свет Его присутствия, Его любви, Его победы.

Прот. Александр Борисов

Её тело не увидело тления

28 августа Православная Церковь празднует Успение
Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и
Приснодевы Марии

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Многим паломникам, которые бывают в Иерусалиме, при посещении храма-монастыря Марии Магдалины рассказывают и показывают место, где, по преданию, Архангел Гавриил пришёл к Деве Марии в самом конце Её земной жизни. И эпизод этот нередко изображают художники: Архангел с белыми лилиями возвещает Деве Марии о скором конце Её земной жизни, как бы укрепляя, поддерживая Её, говоря Ей о скорой встрече с Её Небесным Сыном. За этим преданием стоит светлое начало – встреча Девы Марии по Её кончине со своим Сыном. Было и другое предание: когда Апостолы, ученики Христа, собрались на погребение Божьей Матери, один из них, Фома, не смог в это время быть, а пришёл позже на несколько дней и очень желал увидеть тело любимой им Матери Иисуса, но когда они открыли гроб, то увидели, что он пуст. Поэтому и в Западной, и в Восточной Церкви утвердилось такое богословское мнение о телесном вознесении Матери Божьей, что плоть Её, подобно плоти Её Божественного Сына, не увидела тления.

И действительно, во время этих паломнических поездок объясняют, что та пещера, в которой была погребена Матерь Божья, оставалась пустой на протяжении многих десятилетий. При всём том, что там, близ Иерусалима, все места, где только можно похоронить усопших, всегда заполняются. Там нет, так сказать, вакантных мест. Однако на протяжении нескольких веков гробница была пуста и почиталась местными христианами именно как место погребения Божьей

Матери, причём люди помнили, что тела Её там не было. Мы знаем множество святых, видим их мощи, и только одна Матерь Божия здесь исключение, потому что Церковь с первых своих лет верит в то, что Её тело не увидело тления – тело, которое ещё со времён древних греков нередко нами воспринимается как некая темница души. И тем не менее мы видим, что оно обладает способностью настолько масштабно воспринимать Бога, Его величие, Его силу, Его славу, что само

...Вот уже столько поколений, почти две тысячи лет, мы все, христиане, собираемся в этот день у Богородичной Плащаницы, как апостолы вокруг гроба Богородицы, потому что мы тоже ученики Христовы и, значит, мы Её дети.

О. Георгий Чистяков.

Из проповеди 28 августа 2003 г.

становится нетленным. Это нам показывает и воскресение Христа, и кончина Матери Божией.

Конечно, для нас это – великое утешение. И в тропаре праздника, и

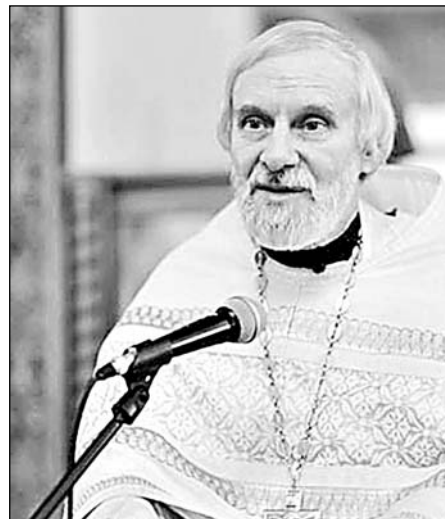

Фото А. Кремлёва

в кондаке его, в молитвах неусыпающей Богородице нам дана ещё одна поддержка кроме нашей веры в воскресение Господа Иисуса: мы

знаем, что у нас есть Ходатаица – Матерь Божия, которой Господь усыновляет всех нас в словах, обращённых к Кресту к Иоанну Богослову, ученику: «Се Матерь Твоя».

Поэтому нам так важно помнить об этом и обращаться к Матери Божией с нашими нуждами, с нашими проблемами, как мы обратились бы к земной матери, которая бесконечно нас любит, обладает великой мудростью и терпением. Будем же относиться к этому с огромным трепетом и благоговением. Понятно, что христиане по-разному воспринимают почитание Божьей Матери, но, во всяком случае, ясно, что оно только обогащает нашу христианскую веру. Оно делает полнее наше обращение к Её Сыну, Господу Иисусу Христу.

Пусть Господь всегда в наших сердцах умножает это почитание Матери Божией, Ходатаицы и Заступницы за нас, недостойных и немощных людей. Аминь.

28 августа 2010 г.

Ирина Богомолова:

— Когда о. Александр спросил, кто хочет пойти вместе с ним, я сразу же согласилась. Потому что сочла это хорошим делом. А ГКЧП мне сразу не понравился. Да и к о. Александру у меня всегда было полное доверие. Раз он так решил, значит, так надо.

Между прочим, работники типографии, наоборот, очень радовались этому ГКЧП. Они надеялись, что вернутся старые времена и решение передать здание Церкви будет отменено...

Конечно, милиционеры из оцепления не хотели нас пропускать к танкам, к солдатам. Но о. Александр был в облачении да ещё с депутатским значком, и это помогло... Мы подходили к танку, стучали по броне (*смеётся*). Высовывалась голова: «Вам чего?» Но как только мы говорили, что принесли бесплатные Евангелия, насторожённость тут же исчезала, возникал нормальный контакт.

Конечно, всё-таки страшновато было. Потому что масса военной техники, люди с оружием — всё это пугало. Они ведь тут по приказу гэкачепистов и к каким действиям могут прибегнуть, неизвестно.

Мы ходили, держась за руку о. Александра, в буквальном смысле (*смеётся*). Я не только об оцеплении. Например, утыкаемся в толпу, не протолкнуться — демонстрация там или митинг. Но перед о. Александром люди расступались, а мы — следом, держались за него и тоже проходили. Он нас по дороге ещё и в Моссовет пригласил, я там первый раз в жизни была, показал, где что — зал заседаний, другие помещения...

Ещё запомнилась панихида, которую батюшка отслужил у тоннеля на Новом Арбате, где были убиты трое ребят. Народу много собралось, люди плакали...

АВГУСТ СЛОВО БОЖЬЕ

Нет-нет, да раздаются голоса: хватит уже терзать память пресло тожества, этих клоунов с их бездарной попыткой реакционного Однако умудрились же «клоуны» поставить на уши и три дня серьёзную страну. Которая, к тому же, в ходе перестройки стала новое самоуважение и как результат — обнадёживающие перс ли! Мало ли было примеров в российской истории.

Их подвела дремучая инерция советско-партийного мышления. ся, не захотел возврата в тоталитарное стойло. И пошёл против Сегодня мы предоставляем слово нашим прихожанам, участни

О. Александр Борисов:

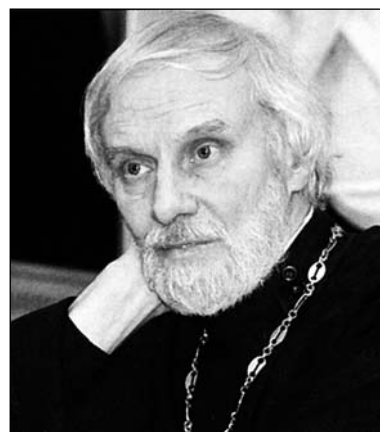
— В то время я служил священником в церкви Иконы Знамения Божьей Матери в Аксиньино, что неподалёку от метро «Речной вокзал», и был депутатом Моссовета. А в мае 1991 года Патриарх благословил меня быть настоятелем общины храма Космы и Дамиана, которому возвращалось его историческое здание. Но располагавшаяся здесь на протяжении десятков лет типография пока что продолжала работать. А прихожане собирались в комнатке на втором этаже, в так называемой светлице. По субботам читали там молебны, акафисты и так далее. Литургии пока не служили.

18 августа, накануне Преображения, идём по городу с о. Михаилом Меерсоном-Аксёновым, моим старым другом, который приехал из Нью-Йорка. Нашу страну он покинул в 72-м году. И восхищается о. Михаил Москвой: какая она прекрасная, как тут всё замечательно, спокойно...

А наутро — праздник Преображения, и в Москву вошли танки, бронетранспортёры.

— **Под аккомпанемент «Заявления советского руководства», как себя назвал новоявленный ГКЧП. В этот праздничный день путчистам захотелось преобразования на свой лад — повернув жизнь страны вспять...**

— Да, но ничего у них не вышло. Это, правда, выяснилось только через три дня. А тогда...

Вместе с сотрудниками Российского Библейского общества, в работе которого я участвовал, мы решили встретиться с военными, наводнившими по приказу гэкачепистов центральные районы города. Раздать им Евангелия, имевшиеся в Библейском обществе.

У нас был небольшой автобус, куда мы погрузили коробки с книгами. Помочь в проведении этой довольно рискованной миссии вызвались прихожанки Алла Смирнова и Ира Богомолова. Ещё к нам присоединились матушка Нонна Ивановна, люди из Библейского общества...

— **Сколько же экземпляров вы взяли?**

— Порядка двух тысяч. И столько же Возвзаний Б.Н. Ельцина и обращений к солдатам от имени Моссовета. Это была моя идея, сам же и текст написал.

— **А о чём текст?**

— Смысл примерно такой: дорогие братья, уходящая компар-

91-ГО: ПРОТИВ ТАНКОВ

вутым ГКЧП. Нужно раз и навсегда предать забвению эти нич-переворота.

держат в напряжении, тревогах и страхах огромную, вполне обретать новое самопонимание, пективы. И, подчинись мы «клоунам», они бы такого навороти-

Привыкли считать народ послушным стадом. А народ изменил-путчиков. Вот об этом никак нельзя забывать. кам тех событий.

Фото <http://oldmos.ru>

тия снова хочет использовать вас против собственного народа. Не поднимайте оружие, не стреляйте в свой народ! И так далее. И заканчивалось всё словами «не убий!».

– И что, вас беспрепятственно пропускали через оцепление, давали возможность подойти к танкам и бронетранспортёрам?

– Вы понимаете, я надел рясу с крестом и приколот к груди значок депутата Моссовета. Милиция была в полной растерянности: ну как не пустить депутата! А он ещё и священник...

Начали мы с Балчуга. Потом – Болотная площадь, спуск к Кремлю, напротив Библиотеки Ленина, Манеж, проезд у Большого театра, Тверская улица. После чего поехали к Белому дому.

– И как проходило общение с экипажами?

– Бронетехника была наглухо задраена. Мы подходим, стучим в крышку танка или бронетранспортёра. Появляется голова в шлеме. Я здороваюсь, спрашиваю: «Сколько вас там?» Молчит. Я говорю: «Это что, военная тайна?» (смеётся). И продолжаю: «Мы хотим раздать вам Евангелия». И тут всё меняется: «О! Нас тут пять человек. Давайте». Ну, мы и вручали – книги, Воззвания и обращение. Вот так всё и разошлось, все две тысячи экземпляров. За какое время? Где-то часов с четырёх до десяти вечера.

У нас и гражданские люди просили Евангелия. Но мы им отказывали. И объясняли: у вас автоматов нет, танков нет, а нам

Нонна Борисова:

– Наш дом расположен недалеко от Садового кольца. И вот ночью оттуда стал доноситься гул, грохот – шли танки. Это было вообще невероятно. Это было очень страшно. Такое напряжение... У нас той ночью собрались несколько прихожан – мы регулярно собирались у кого-то на квартире, просто молились. А в этот раз молились, чтобы остановить ГКЧП. Мы очень-очень много молились, напряжённо, прямо единым сердцем. Очень сильная молитва была.

И вдруг, вот знаете... Внутри такое разрешение пришло. Как будто всё, конец этому злу! Уже есть ответ. Это так удивительно! В молитве, в молитве ощущение такое.

Ощущение, что Дух приходит, и уже совсем нет страха.

И когда ходили между танковых колонн, раздавали Евангелия и обращения, тоже не было страшно. Наоборот, было очень радостно. Потому что солдаты и офицеры, они все с такой радостью брали из наших рук Священное Писание. И говорили: «А нам больше нужно, у нас столько-то людей...» То есть они все были открыты к этому – и к Евангелию, и к обращению тоже. К призыву не стрелять в свой народ...

Мы испытывали радость от миссии, которую исполняем, от миссии, до которой мы наконец дожили – даём людям Слово Божье, получили такую возможность. И была внутренняя надежда, даже уверенность, что это подействует. Они же знают, что такое Евангелие, уже, в общем, слышали о нём. Это вовсе не неизвестная книга. И когда человек её открывает, даже просто поворачивается в сторону Слова Божьего, он уже не может им пренебречь...

Ребята, военные, сразу же начинали листать Евангелие, просматривать. Знаете, интерес был огромный. Ну, прямо поток света шёл на них с этих страниц...

Фото Д. Борко

нужно военным раздать, обязательно... Может быть, это удержит их от того, чтобы в нас стрелять.

– И никаких эксцессов по ходу вашей миссии не возникало?

– Абсолютно... Ну, а потом, как вы знаете, ночью, в тоннеле под Новым Арбатом погибли от пуль и гусениц трое молодых людей, участвовавших в акциях протеста: Владимир Усов, Дмитрий Комарь и Илья Кричевский. Символично – русский, украинец, еврей... Наутро мы сделали из двух досок простой крест и вместе с певчими и другими прихожанами поехали к тому самому тоннелю. Там ещё была кровь на асфальте... Отслужили панихиду по убиенным.

– Между прочим, в ту же ночь с 20 на 21 августа, когда пролилась кровь этих ребят, было распространено Обращение Патриарха. Хотя президент России Ельцин просил его об этом, тоже через прессу, ещё 19-го числа: «Вашего слова ждут верующие, весь русский народ, вся Россия!»...

– 20-го числа я осмелился прийти в Патриархию, чтобы переговорить со Святейшим. Объяснил ситуацию секретарю: мол, воздвигаются баррикады вокруг Белого дома на случай его штурма, идут митинги, только что выступили Шеварднадзе, Ельцин, все ожидают слова Патриарха... Она разрешила позвонить, дала номер. И я рассказываю Святейшему, что мы раздавали вчера Евангелия и написанное мною обращение Моссовета, которое было утверждено его Президиумом... Он ещё спросил: «А принято единогласно?» Говорю: да, единогласно. И далее: Ваше Святейшество, все ждут вашей реакции, очень ждут. Мне, говоря, конечно, неудобно вам сове-

товать, но я вам просто обрисовываю обстановку...

Он помолчал немножко и сказал: «К вечеру реакция будет». Что и произошло.

Ну, а потом, когда вернулся в Москву Горбачёв, когда гэкачеписты были объявлены вне закона и арестованы, у всех го-ра с плеч. И мы, пока ещё небольшая община храма Космы и Дамиана, тоже, естественно, вздохнули с невероятным облегчением. Спустя полгода типография постепенно стала вывозить своё оборудование и имущество, мы сооружали иконостас в светлице, приобретали богослужебные книги... Первую литургию отслужили 19 декабря 1991 г., в день Святителя Николая.

– А в случае победы ГКЧП судьба храма оставалась бы под вопросом?

– Да никакой судьбы просто уже не было бы. Вообще, если подробнее о настроении, которое владело гражданами... 22 или 23 августа, точно уже не помню, я как депутат Моссовета участвовал в митинге у Белого дома. На его стене висел огромный флаг, российский триколор, метров 100 длиной. И я в своём выступлении предложил пойти с этим флагом на Красную площадь. Народ идею подхватил. Флаг со стены сняли, и мы начали шествие. Представляете, впереди иду я, в рясе с крестом, а позади колонна не меньше тысячи человек с растянутым во всю длину 100-метровым бело-сине-красным полотнищем. И у всех бурная радость. И в самой колонне, и в толпах людей, выстроившихся вдоль тротуаров. Крики «Ура!», «Да здравствует новая Россия!»...

А когда проходили мимо Минобороны на Арбатской площади, прозвучало многократное «Позор!»... Дошли до Красной площади и там вновь устроили митинг...

– Да, хорошо помню это всеобщее чувство огромной радости.

– Знаете, весь народ удивительным образом встал на защиту Белого дома. Люди самые разные, москвичи и иногородние, но никто никого не организовывал специально, не призывал, про-

неслась над головами тревога, и все поехали.

Тысячи людей, тысячи! Такой необычайный энтузиазм! А когда всё завершилось – такая радость великая, облегчение и радость, и удивительное ощущение всеобщей солидарности, братства. Ещё до победного финала многие подходили к солдатам, еду им приносили, не было отношения, как к каким-то жандармам или оккупантам...

И знаете, что ещё важно? Народ не захотел подчиниться ГКЧП, потому что устал от лжи. Устал. И вот похожее состояние заметно у людей при нынешней нашей ситуации. Тогда была усталость от лжи советского времени, сейчас – усталость от лжи нынешней. Все знают, что говорится одно, а делается другое. Крайний цинизм, негативизм захлёстывают буквально все средства массовой информации и многих граждан.

Мне кажется, это состояние очень опасное. Взрывоопасное. Люди в состоянии переносить тяжелейшие материальные трудности, если знают, ради чего. Тогда они готовы многое вытерпеть. Но когда даже при, в общем-то, сносном материальном благополучии людей постоянно окружают обман, ложь, это уже не просто возмущает, а может толкнуть на крайние, радикальные действия...

*С участниками августовских событий 1991 года беседовал
Владимир Грудский*

Фото РИА НОВОСТИ

Не бойтесь!

Алла Калмыкова

Н очью почему-то приснились танки. Дом в пригороде Ченстоховы стоял на Катовицком шоссе, и, наверное, в сон проник гул проходящих мимо машин...

Наше паломничество в Польшу, на Всемирный день молодёжи, заканчивалось: утром 19 августа мы должны были возвращаться в Москву. Собрав накануне рюкзаки, в последнюю ночь мы ушли спать во двор, в палатку, чтобы не испытывать долготерпение хозяев. Шутка ли – несколько дней принимать у себя в доме десятерых гостей, пятеро из которых – дети!

На крыльцо вышла встревоженная пани Мария, позвала меня.

– У вас что-то случилось, – сказала она. – Горбачёв больше не президент, – и включила радио погромче. Польские дикторы говорили что-то несуразное. Какая такая болезнь могла вдруг напасть на крепкого с виду президента? А если и так, почему объявлено чрезвычайное положение? Кинулись к телевизору – там повторяли одни и те же кадры: обрюзгшее, мятое с перепоею лицо и трясущиеся руки какого-то Янаева и... танки на улицах Москвы. И в такой город мы должны были возвращаться – с детьми? Какое будущее их ждало? Диктатура вот этих серых, с полумёртвыми от страха лицами? Новые лагеря? Ну, уж нет!..

Мобильников тогда ещё и близко не было. Танюша Макарова поехала в город, звонить домой, и очень скоро вернулась. К нашему удивлению, международная связь работала исправно (а мы-то думали, путчисты, следуя классикам, в первую очередь должны бы «взять почту, телеграф, телефон»). Алик Зорин, Танин муж, собирался к Белому дому, а нам наказал:

– Задержитесь на паре-тройку

дней, пока мы тут разберёмся. Попроситесь к Клер.

Так мы и сделали. Ближе к вечеру, распрощавшись с хозяевами, сели в автобус и поехали на Ясну Гуру, к Малым сёстрам.

Мы только вчера были у них в гостях – Клер, очень любившая о. Александра Меня и знавшая многих его духовных детей, позвала нас на обед. Аля, внучка о. Александра, Настя и Поля Зорины, двое моих мальчишек радостно уплетали приготовленную сёстрами вкуснятину, Клер расспрашивала Володю Юликова и Таню о московских делах. В саду возле дома были разбиты огромные палатки: Малые сёстры принимали паломников из России – человек восемьдесят. И, едва успели их проводить, – мы явились. Но – ни тени недовольства на лицах сестёр, лишь приветливость и забота: «Не бойтесь, всё будет хорошо!» Нам тут же освободили одну из комнат, напоили чаем. Мы коротко помолились, и, устав от тревог этого дня, народ попадал спать. А у меня сна не было ни в одном глазу. Пошла на кухню, включила принесённый Клер транзистор, слушала Москву и всё ждала: когда же прозвучит голос Церкви? Почему молчит Патриарх? Не дождавшись, в сердцах пригрозила неизвестно кому: «Вот уйду к католикам!» – и пошла в свой спальный мешок.

Утром было всё то же: полная неопределённость. Просто так сидеть и ждать было невыносимо. Все занялись делами: Володя с мальчиками чистили подвал, где ещё оставалась прошлогодняя картошка, девочки кормили кроликов, я на нервной почве яростно пропалывала помидоры, Таня с Машей Юликовой и Катей Изачик помогали сёстрам наводить порядок в доме. Под вечер напряжение стало невыносимым, и мы побежали в Ясногорский монастырь – помолиться чудотворной Божьей Матери Ченстоховской. Часовня уже была заполнена людьми. Володя подошёл к священнику, переговорил с ним – и нас усадили в первом ряду, прямо перед иконой. Лик Богородицы с неза-

живающим шрамом на щеке был тёмный и печальный, но от намоленной веками иконы текла явственно ощутимая волна тепла. Шла обычная вечерняя месса, но, когда священник возгласил «Христос посреди нас!», люди, поняв, что мы из России, обступили нас, стали

18 августа 1991 г.

пожимать нам руки в приветствии мира, обнимать. «Не бойтесь! – сказала мне какая-то женщина. – У нас в 82-м году тоже так было: и танки, и солдаты... Всё будет хорошо. Христос посреди нас!» – и крепко расцеловала меня.

Священник пригласил Володю подняться на амвон, и, сказав о том, что в эти часы решается судьба свободной России, Володя попросил всех помолиться о нашей стране. Надо было видеть, как горячо поляки откликнулись на эту просьбу, сколько любви и участия было в этой молитве – поверх разделений и исторических обид. У меня и сейчас, когда вспоминаю об этом, наворачиваются слёзы благодарности...

Служба закончилась. Под нежный серебряный перезвон колоколов медленно-медленно стали закрываться ставенки – Матка Боска, Чарна Мадонна, наша Заступница матерински благословляла нас и ободряла: «Не бойтесь! Только веруйте...» Покой и мир уносили мы с собой – и не было уже тревоги, а была надежда и не поддающееся разумному объяснению чувство освобождения.

Дома мы молились вместе с сёстрами в их маленькой часовне, и Младенец Иисус лежал в Своих яслях доверчиво и безмятежно, как и положено Младенцу.

Этой ночью Москва передала Обращение Патриарха, предостерегавшее людей от кровопролития, с ясным выбором в пользу свободной демократической России. Всё было окончательно разрешено.

Перед отъездом Володя на радостях угостил нас диковинным итальянским мороженым. Мы возвращались к себе домой!

9 сентября – 21-я годовщина со дня мученической гибели отца Александра Меня

Владимир Грудский

Состоявшийся сценарий

Допускаю, что своей дорогой к Христу ошибочно полагаю лишь завершающий её этап, о котором хочу здесь рассказать. А в действительности началом пути были некоторые мои ужасные поступки – по отношению к другим и к себе самому. Я совершал их бездумно, беспечно, безответственно. «От живота», как однажды выразился мой добрый знакомый. Но с годами всё навязчивей и мучительней терзала мою память эта жестокость, это бездушие собственной молодости...

В ноябре 1990 года Борис Зорин, встретив меня в вестибюле МГРИ, где он работал начальником геологической партии, а я подрабатывал редактором многотиражки, сказал: «Алька возмущён тем, как расследуется убийство Александра Меня. Говорит, власти не хотят, чтобы убийца был пойман». И добавил, что младший брат хорошо знал о. Александра, даже был его духовным сыном.

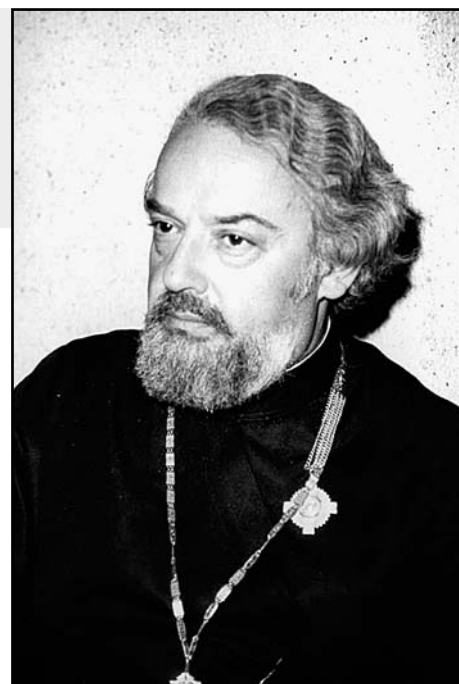
С младшим Зориным мы когда-то тесно общались. Но уже лет пятнадцать как пути наши разошлись, связь оборвалась. Разве что Борис передавал привет от брата, иногда добавляя новость про то, что вышла в свет его очередная книжка стихов...

Услышанное в этот раз вызвало в памяти эпизод из 70-х. Когда Алик, сидя у нас с женой на кухне и позабыв о стынушем в кружке чае, восторженно рассказывал о необыкновенном батюшке, с которым недавно познакомился. И о том, что каждому из нас, оказывается, поверх всех забот, интересов и самых расчудесных целей необходимо думать о своем спасении. И дать его может только Иисус Христос.

Нас, железобетонных атеистов, эта жаркая речь привела в оторопь. Ну, ясное дело, охмурили Зорина, угодил в поповские сети. Закрыв за ним дверь, мы сокрушались, вертя пальцем у виска: сбрендил поэт.

Вспомнил я и другое. Выступление о. Александра Меня по телевизору незадолго до 9 сентября. И то диковинное чувство, которое мною овладело. Будто для этого человека я вовсе не безвестная пылинка в телевизионном космосе, как по справедливости следовало бы считать. Ну, кто способен, в обход законов природы, на обратную связь – причём внутреннюю, глубоко личную – с каждым из многомиллионной аудитории? Такое даже Кашпировскому не снилось. Нет, контакт, разумеется, односторонний. Один, перед камерой, говорит, адресуясь к невидимому, неосязаемому множеству. А множество сидит перед своими телевизорами и молча смотрит, слушает. Мотает на ус универсальные истины. Это даже не телестю, когда любой может со своего телефона позвонить в студию...

Но ведь о. Александр обращался именно ко мне! Говорил о

вещах необычных и очень важных. Будто прекрасно меня знает и понимает. Лучше, чем я сам. При этом возникало ощущение реального диалога. О. Александр как бы отвечал на мои вопросы. Невысказанные, недодуманные, вообще не приходившие в голову до этого момента. Но – мои вопросы, личные.

И как он говорил! Я даже не о блестящем владении словом, не об образной и в то же время логически стройной речи, не о завораживающих интонациях, паузах, музыкально богатом тембре голоса. Я о другом: в голосе этом, и во взгляде, и в выражении лица был призыв. Ненавязчивый, но отчётливый. Призыв воспринять то, о чём он говорит, как жизненную необходимость. Призыв деликатный, но исполненный огромной энергетики. Призыв, но не принуждение. Как у мудрого отца, который не втаскивает силой своё чадо на путь праведный, а только распахивает дверь и включает свет...

Действительно, отец. Батюшка... Но так я подумал много позднее. Когда осознал, что благодаря ему – как сказал бы Исаак Бабель – предвещие истины коснулось меня.

А в тот момент довольно уже было того, что я, пленённый этим человеком, не обращал внимания на рясу и крест у него на груди, они мне не мешали. Атрибуты, которые из-за атеистической дрессировки с молодых ногтей вызывали рефлекс дурацкой ухмылки.

Уже не обращал внимания. Но ещё не придавал значения...

После разговора с Борисом, в тот же вечер, позвонил Алику и, встретившись с ним, изложил свою идею.

Дело в том, что наряду с журналистикой я в те поры занимался документальным кино. Писал сценарии. Как раз летом 90-го по Первой программе ЦТ был показан мой очередной фильм – «Детективы из «Алекса»». Картина о частном детективном бюро – первом и тогда единственном в Стране Советов. Создали прецедент бывшие офицеры МВД и КГБ 30–40-летнего возраста. Прецедент успешный. А приоритетной для «Алекса» (что меня больше всего привлекло) была помощь оказавшемуся в беде «маленькому человеку», то есть гражданину вполне обыкновенному и, само собой, небогатому. Соответственно, не могущему вдохновить милицию на активные действия. В послужных списках у этих ребят были десятки раскрытых преступлений, ордена-медали, именные пистолеты. Тем не менее их всех повыгоняли за... «дискредитацию органов». Принципиальные, совестливые, талантливые профи органами отторгались.

Вот и надумал я обратиться в «Алекс». Пусть частные детективы поищут убийцу (или убийц) о. Александра Меня, а мы их работу будем снимать на плёнку. Постараюсь договориться с «Экраном» – творческим объединением телевизионных фильмов, с которым уже давно сотрудничаю. Сделаем фильм-расследова-

ние. Которое, даже если окажется безуспешным, всё равно будет полезным. Наш фильм, хотелось надеяться, всколыхнув общественность, подвигнет прокурорский и милицкий генералитет, а значит, и следователей к большому усердию (если уж не подействовал обещанный президентом Горбачёвым «личный контроль»). И тогда наработки «Алекса» могут очень даже пригодиться.

Обсуждалось моё предложение духовными сыновьями и просто друзьями о. Александра на квартире у Владимира Илюшенко. Кроме хозяина и нас с Аликом – Павел Мень, Владимир Леви и ещё несколько человек. Выслушав журналиста-сце-

нариста, обменялись мнениями и дали добро. При этом, правда, Илюшенко сильно усомнился, что я, человек не воцерковлённый, сумею сделать что-то путное. То есть верно понять, должным образом оценить личность о. Александра.

Это суждение смахивало на приговор. Оно, как мне подумалось, ущемляло моё творческое право, лишало свободы выбора. Не суйтесь, Володя, со своим фэйсом в калашный ряд. Я, разумеется, был категорически с этим не согласен. Кстати, как раз для о. Александра (что следовало из нашего с ним «диалога») свобода выбора применительно к любому человеку, верующий он или нет, была ценностью неоспоримой. И уж тут-то я готов был поручиться, что понял его правильно.

Захотелось съязвить: что же, без веры в Бога сценарист обре-

чён на профессиональную ущербность? И, кстати, в какого Бога? По обстоятельствам? Задумал фильм о раввине – стань иудеем, о мулле – магометанином?..

Но я ответил спокойно, без полемики. Мол, давно пишу очерки и сценарии о людях. И на опыте – собственном и моих коллег – знаю: для успеха автору вовсе не обязательно становится ткачихой, хирургом или космонавтом. Главное, погрузившись в материал, серьёзно его изучить. Ну и, конечно, быть хорошим профессионалом в своём деле. В завершение привлёл в союзники Бернарда Шоу, эффектно процитировав: «Я не съёс ни одного яйца, но это не мешает мне судить о вкусе яичницы».

Собравшиеся деликатно промолчали. Но благословение, повторяю, я получил. Илюшенко тоже не возражал. И мне стало чуток неловко за свою задиристую реакцию...

Главный редактор документальной студии «Экрана» Владимир Петрович Вишняков с энтузиазмом воспринял мою заявку. Оказывается, с о. Александром он был знаком. Тот приезжал, предложил написанный им сценарий. Как сказал Вишняков, эта работа, интересная авторскими мыслями, была, к сожалению, чисто литературным произведением, но не киношным, основой которого должна быть драматургия изобразительного ряда. Однако сама личность о. Александра произвела на Владимира Петровича, по его признанию, «мощное впечатление».

Словом, главред проявил заинтересованность. Но предупредил, что на следующий, 1991 год резко сокращён бюджет. Раньше финансировалось больше двух сотен фильмов, теперь же порядка 50–60. Потому «советую вам найти спонсоров, чтобы оплатили хотя бы половину расходов. То есть 200–300 тысяч рублей...»

И вновь совещание, теперь уже «коммерческое», в той же

штаб-квартире. Я привёл с собой режиссёра Германа Фрадкина, который ответил мне без раздумий: «Про Александра Меня готов делать кино хоть бесплатно».

Прикинули возможности. Кто-то обещал переговорить с некоторыми французскими друзьями о. Александра, людьми весьма состоятельными. Такую же миссию взял на себя Владимир Леви, собиравшийся на пару месяцев в Америку...

Вместе с Павлом Менем и Герой Фрадким мы отправились в «Алекс». Директор Валентин Косяков ещё по телефону заинтриговал, что двое его детективов... уже занимались этим расследованием. Теперь пояснил: заказ получили от Ильи Заславского, представляющего Движение «Демократическая Россия» (туда, напомним, входили о. Глеб Якунин, Лев Пономарёв, Аркадий Мурашов, Юрий Черниченко и др.). С одним из детективов по имени Володя мы тут же познакомились. Он рассказал, что работа длилась месяца полтора. Через контакты по прежней службе в уголовном розыске удалось договориться о сотрудничестве (разумеется, неофициальном) со следователем из Загорска (ныне Сергиев Посад). А тот сразу огорошил: ни одного документа, вплоть до копий, ему не разрешено держать у себя, всё забирает КГБ. «Даже протокол с места происшествия, – сказал Володя, – он не смог нам показать». Второй сюрприз обнаружился некоторое время спустя, когда этого следователя, уже нащупавшего некие ниточки, внезапно заменили на другого. С ним тоже удалось установить контакт. А дальше... «Как только в деле наметился след, дающий реальную надежду, встала глухая стена. Прошибить её были не в состоянии ни следователь со всеми его полномочиями, ни мы со всеми нашими связями и свободой действий», – подытожил Володя. («Это потому, скорее всего, что КГБ оберегал свою агентуру, которая могла иметь прямое или косвенное отношение к убийству», – такую версию высказал в

недавнем нашем разговоре знаменитый и многоопытный юрист, федеральный судья в отставке Сергей Пашин).

Тем не менее Косяков согласился на участие «Алекса». И вдруг, обратившись ко мне, полюбопытствовал: «Володь, а ты не боишься, что и тебя топором по голове?» «Ну, – попытался я его успокоить, – ведь не сразу же прямо вот так. Сначала, небось, будут угрожать, запугивать. А я потяну время. Чтобы мы успели отснять побольше материала...»

Косяков, бывалый оперативник, в прошлом капитан ОБХСС, выслушал мой наивный ответ с молчаливой усмешкой...

Таким образом, оставалось решить финансовый вопрос. Хотелось верить, что дружественная о. Александру заграница нам поможет. Я, не теряя времени, стал собирать материал для сценария – «погружался и серьёзно изучал».

Читал книги о. Александра. Слушал «самиздатовские» магнитофонные записи его проповедей и выступлений. Много о батюшке рассказывали Алик Зорин и его духовные братья, участники домашней молитвенной группы. Стал я посещать наш храм (поначалу это была «светлица» на втором этаже, пока из церковных стен не убрались типография, вселённая туда советской властью на десятки лет), присутствовать на службах. Бывал на вечерах памяти о. Александра в ДК Серафимовича.

И, разумеется, читал Библию. Параллельно Ветхий и Новый Завет, как советовал о. Александр. Замечательное издание с его комментариями подарил мне Зорин. Понимать Священное Писание помогали и проповеди о. Александра Борисова, о. Владимира Лапина и о. Георгия Чистякова. Все трое, как сказал Алик, были учениками о. Александра Меня. Который, таким образом, продолжал вести диалог со мной и через них.

Кстати, помню, меня поразила фраза о. Георгия о том, что понять Библию могут только верующие люди. А для всех остальных, хоть выучи они её и шпарь текст наизусть, там будет полным полно «идиотизмов и противоречий»... Н-да. А ведь Илюшенко-то имел в виду, по сути, то же самое...

Ещё я участвовал в собраниях вышеупомянутой молитвенной группы. И в субботниках – мы очищали подвалы храма от типографского хлама.

Между прочим: какое грандиозное преображение смысла от замены в этом слове только одной буквы! Вот так и в моей жизни получилось. Хлама в ней заметно поубавилось, на его месте утвердился Храм. Потому что, хотя спустя полгода стало окончательно ясно, что денег на фильм не будет, моё погружение продолжалось. Только уже не в материал для сценария.

Что и привело меня естественным образом к Христу – 30 апреля 1994 года. На Пасху, так само вышло, я не подгадывал. Моим крёстным стал Алик Зорин. Он подарил мне свою книгу «Ангел-чернорабочий», об о. Александре. Надписав: «Мы ведь с тобой счастливые люди – потому что с ним встретились. Я – непосредственно, ты – заочно».

Александр Белинский

Чашу спасения приму...

Окончание. Начало в «Приходской газете» №74

Всегда ли допустимо верующим приступать к Святой Чаше?

В Учении Двенадцати Апостолов читаем (10:6): «Если кто свят, пусть подходит, а если нет, пусть кается...» И далее (14:1–2): «Каждый... находящийся в разладе со своим другом да не присоединяется к вам до тех пор, пока они не примирятся, чтобы вашей жертве не быть осквернённой». В этой связи приведём слова Нагорной проповеди (Мф 5:23–24): «Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой».

Высказывался по этому вопросу и Святейший Патриарх Алексий II. Он запретил препятствовать причащению прихожан за исключением случаев исповедания ими тяжких смертных грехов, таких как убийство или воровство.

Пробораз Евхаристии – умножение хлебов (см., напр., Мк 6:41). Представьте себе, что Господь, «возрев на небо, благословил и преломил хлебы и раздал ученикам Своим», а те, вместо того чтобы напитать голодных, едят сами, народу же не дают или дают только своим любимчикам, оставляя приступающих, как мне неоднократно приходилось, стоять втуне с открытым ртом у Святой Чаши. Иногда при этом на голову обрушивался и поток раздражённой брани. В результате день, «его же сотворил Господь», вместо радостного становился совсем не таковым.

[2], с. 15: «...Самый печальный результат этого нового “благочестия” – фактическое отлучение мирян от причастия, переставшего вытекать из их участия в Литургии и... ставшего для них чем-то исключительным...».

[2], с. 240: [В нашей богослужебной практике] «Евхаристия-жертва и Евхаристия-причащение воспринимаются в двух совер-

шенно разных ключах. Так... в Евхаристии-жертве – как учат верующих и богословы, и пастыри, и даже наставники “духовной жизни” – можно... и должно участвовать не причащаясь: присутствием, молитвой, принесением просфоры, принятием антидора или даже просто “заказав” одну или несколько литургий... в сознании и благочестии церковных людей причащение давно уже не связано с Евхаристией как жертвой, подчинено... закону индивидуальных “духовных нужд”: освящения, помощи, утешения и т.д. и... вопросу о личной “подготовленности” или “неподготовленности”».

[2], с. 263: «Для православных основой толкования Евхаристии навеки остаются слова св. Иринея Лионского: “Наше учение согласно с Евхаристией, а Евхаристия, в свою очередь, подтверждает наше учение” (Adv. Haer. IV, 18). Всё, что касается Евхаристии – касается Церкви, всё, что касается Церкви – касается Евхаристии и этой взаимосвязью *испытывается*».

Между тем, именно эта изначальная взаимосвязанность оказалась как бы *разорванной* распространением нового понимания таинств, вошедшего в Церковь после обрыва отеческой традиции. В этом учении Евхаристия, воспринимавшаяся в древней Церкви как таинство единства... стала восприниматься и определяться как *одно* из средств освящения верующих...

На Литургии мы продолжаем молиться:

нас же всех от единого хлеба и чаши приобщающихся – соедини друг ко другу во единого Духа причастие...

Но в чём состоит – на наших Литургиях без причастников – это единство? Мы молимся и в начале, и в конце Литургии: “Полноту Церкви Твоя сохрани”, – но о какой полноте идёт речь?..

...Мы имеем дело здесь с ущерблением и потому искажением литургического предания Церкви... И, следовательно... нуждаемся... в возврате к этому преданию, к вос-

становлению его подлинной перспективы и сущности».

[2], с. 296: «Апостол Павел обличает верующих, которые недостойно причащаются, грозит им осуждением. Он зовёт их испытывать себя. Но вот никогда, ни разу он не предлагает им *выбора*: “Вы, достойные, причащайтесь, а вы, недостойные, воздерживайтесь”. Выбора, который мало-помалу привёл к воздержанию чуть ли не большинства членов Церкви и к утере чувства и восприятия Евхаристии как общего дела, как *литургии*. Да и само чувство воздержания как бы иссякло, выдохлось, превратилось в своего рода дисциплинарное предписание (“четыре раза в год!”), с обязательной исповедью, как своего рода билетом на причастие».

[3], с. 30: «... принятие святого причастия исихастом должно быть, ни много ни мало, “непрерывным”, и под этим они подразумевают *ежедневное* причастие. Они с одобрением цитируют св. Василия Великого: “Прекрасный и благотворный обычай причащаться каждый день”».

Бог призывает нас в Свое Царство как детей. И при этом бесконечно нам доверяет. Через Евангелие Христос открывает Свои страдания, страдания Своей Пречистой Матери у Креста и страдания учеников. И в этой открытости Бога так легко обидеть. Оскорбить отказом от Святых Даров.

Литература

1. Книга правил святых Апостол, святых Соборов вселенских и поместных и святых отец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: 1992.
2. Протопресвитер А.Шмеман. *Евхаристия – Таинство Царства*. М.: 1992.
3. Епископ Диоклийский Каллист. *Руководство по исихастской молитве XIV века: «Сотница» св. Каллиста и св. Игнатия Ксанфопулов* в: Страницы. Журнал Библейско-богословского института св. апостола Андрея №3:1, 1998. С. 11–31.

Где Дух Господень, там свобода

27–29 мая в доме отдыха со странным названием «Компонент», недалеко от Солнечногорска, состоялась очередная конференция нашего прихода. В ней принимали участие в основном участники евангельских групп, которые собираются раз в неделю для совместного чтения Библии и размышления над ней. Темой конференции были вынесенные в заголовки слова из 2 Кор 3:17

Работа началась с просмотра фильма о Евфросинии Керсновской. Героиня фильма – русская девушка 1907 г.р., жившая со своими родителями в Бессарабии. После оккупации Бессарабии в 1940 г. Красной

Евфросиния Керсновская

Армией Е. Керсновская отказалась бежать в Румынию, решила остаться, как она говорила, «со своим народом» и разделить с ним все трудности советской жизни. Она была арестована и выслана на лесоповал, прошла все ужасы советских концлагерей, но чудом осталась жива. В 1954 г. она освободилась и осталась работать ещё на 7 лет в Норильске, после чего вышла на пенсию и поселилась в Пятигорске, куда к ней приехала из Румынии её мать.

Фильм включает воспоминания Е. Керсновской и её зарисовки всех пережитых событий. Это карандашные рисунки, числом более 300, выполненные в стиле анимации цветными карандашами.

Этот фильм – удивительное повествование о том, как его героиня, несмотря на чудовищные условия жизни, голод, угрозы, издевательства и допросы, сумела сохранить человеческое достоинство. Воспоминания Е. Керсновской сопровождаются комментариями прот. Владимира Вигилиянского, председателя комиссии по литературному наследию репрессированных писателей Виталия Шенталинского, председателя правления Международного правозащитного общества «Мемориал» Арсения Рогинского и скульптора Дарьи Чапковской, проводшей с Евфросинией последние годы её жизни.

Фильм имел самое прямое отношение к теме встречи. Героиня его сохраняла свою внутреннюю свободу оставаться порядочным, смелым человеком, рискуя при этом не только утратой ничтожных привилегий зека, но иногда и самой жизнью.

На следующий день был прочитан вводный доклад прихожанина нашего храма Владимира Хейфеца. Дальнейшая работа проходила в 15 малых группах по выбранным участниками темам, вопросы к которым были подготовлены заранее. Во второй половине дня слушали сообщения по каждой из обсуждавшихся тем.

Прот. Александр Борисов

Владимир Хейфец

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО – СВОБОДА...

*Наверное, больше всего крови на земле было пролито во имя свободы.
Наверное, больше всего зла на земле возникло от человеческой свободы.*

Кому она нужна, эта свобода?

Про свободу можно сказать словами Екклесиаста: *Это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нём.* Опыт человечества свидетельствует о том, что оно никогда не могло достойно распорядиться свободой – от Адама и до наших дней. Получив свободу, люди испытывают беспокойство, неуверенность, истерическое желание сдать её обратно – вожаку, царю...

Свобода – это олицетворённая неопределённость, и это пугает нас. Где «уверенность в завтрашнем дне» – столь милая для нас формула из прошлой жизни?

Когда мы обдумываем, как строить свою жизнь, мы стремимся подражать кому-то, использовать какие-то готовые формы, образцы; нам проще быть как другие, чем думать, как *найти себя* – а ведь именно для этого нам дана свобода!

В книге братьев Стругацких «Улитка на склоне» есть замечательная фраза: «Располагая миллионными лошадиными силами и лучшей в мире теорией снабжения, мы можем чрезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно». Свобода важна (нужна) тому, у кого есть хотя бы общее представление, на что её употребить, – иначе она

становится обузой. За неё надо платить – платить хотя бы тем, что ты отказываешься от благ, которые тебе за неё всё время предлагают (вступи в партию, проголосуй как надо, «прими причастие буйвола», как сказано у Бёлля). Вот с этой обузой мы и носимся, мечтая от неё избавиться, пока не сдаём её с облегчением – жене, работе, руководству...

Екклесиаст даёт нам исчерпывающее описание бесплодности свободы без Бога – даже свободы умной, внимательной, думающей. И хотя результат реализации такой свободы не обязательно кровь, жертвы и разрушение, всё равно в сухом остатке – только томление духа.

Механические аналогии

Если обратиться к таким аналогиям, то ощущение свободы для нас чаще всего – положение неустойчивого равновесия души: с разных сторон нас тянут соблазны, часто наряженные в весьма достойные одежды. И в результате нередко наша жизнь отражает известное в механике понятие «свободное падение».

Только в Боге – положение устойчивого равновесия, которое так точно описывают слова бл. Августина: *Ты создал нас для Себя, и не знаешь покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе*. Круг замыкается. И, осознав это, мы приходим к Нему с разных сторон, как ручейки, отдавая Ему свою свободу – и обретая Его свободу, становимся ветвями на Его лозе.

Продолжая незабвенных классиков, можно сформулировать: «Свобода есть осознанная необходимость... быть с Богом».

Зачем Он так сделал?

А надо ли было вообще нам давать свободу, если ответ заключается в том, что её надо отдать Ему обратно? Дай Бог, человечество рано или поздно придёт к этому, как блудный сын из притчи, вернувшийся к Отцу. Но стоит ли этот урок такого моря крови, жертв, мучений?

Возможный ответ

Может быть, так. Мы приходим к Нему по одному, но там, у Него, происходит удивительное соединение нас в одно целое – и это возможно только там, у Него. Мы не просто возвращаем Ему обратно нашу свободу, мы вместе строим из наших возвращённых свобод – и Его свободы – новый, громадный, свободный мир, в котором поселяемся. Может быть, в таком соединении мы и обретаем способность творить чудеса.

Значит, нету разлук.

Существует громадная встреча.

Значит, кто-то нас вдруг

в темноте обнимает за плечи...

(А. Мирзаян)

Наша свобода для Господа – это абсолютная ценность, Он склоняется перед ней, для Него она почему-то важнее, чем то зло, которое от неё может произойти. Если для Него это так важно, то нам надо внимательно взглянуть в этот факт и попытаться его осмыслить.

Может быть, это ответ Его свободы? Его часть? Дух дышит, где хочет. Всё лучшее на Земле создаётся на путях свободы. Всё самое прекрасное – любовь, творчество, игра...

Читая Библию, мы видим, что наше искреннее своеволие для Него милее, чем наша ложь и хитрость, даже если они внешне облечены в правильную форму. Господь с улыбкой и интересом наблюдает за Ионой, у которого жуткий характер, несговорчивый и капризный, – но нет лукавства! Господь внимательно и сочувственно следит за сражением, которое ведёт с Ним Иов, потому что видит – Иов больше всего боится Его разлюбить.

Свобода и человеческие отношения

Находясь в гуще людского сообщества, мы не можем двигаться свободно и независимо, мы, как шарики, соударяемся друг с другом, при этом (по законам механики) всех нас сносит куда-то в одну сторону (от взаимодействия с ещё большей группой шариков). И каждое наше соударение (часто вынужденное) не всегда приносит другому радость и поддержку.

Вся наша жизнь – последовательность актов выбора, и каждый выбор в большей или меньшей степени отражается на других. Мы сталкиваемся с ситуациями, когда наш выбор в любом случае будет для кого-то болезненным. Понятие «меньшее зло» возникло не на пустом месте. Всё это касается как отношений с близкими нам людьми, так и реакции на внешние события.

В конце концов, вопрос, как реагировать на зло вокруг нас, как употребить свою свободу, чтобы, с одной стороны, не преумножить зло, а с другой – не оказаться в позиции Пилата, умывающего руки, остаётся вопросом вопросов. Спаситель ответил на это, взойдя на крест – свободно. А как быть нам?

Говорит философ **Григорий Померанци**:

Мы чисты только в те минуты, или часы, или дни, когда всей душой обращены к Богу. Всё остальное время проходит на краю греха – и то и дело мы грешим. Грешим против первой заповеди (*возлюби Господа, Бога своего*), повернувшись к миру. Грешим против второй заповеди, отвернувшись от мира (*возлюби ближнего своего как самого себя*). Оставляем мир лежать во зле или вмешиваемся в его запутанность и сами запутываемся в ней. ...А если полюбил ближнего, сразу начинается запутанность. Невозможно полюбить как самого себя (и больше себя) и не нарушать ради любви другие заповеди. Жить в этом мире, любить женщину, или страну, или народ, или интеллигенцию, или истину – и не творить зла... Пусть кто-нибудь покажет, как это делается.

Кто-то может не согласиться с автором этих строк, что «невозможно не нарушать ради любви другие заповеди», но тем не менее...

Вспомним ситуацию: *Иосиф же муж Её, будучи праведен и не желая огласить Её, хотел тайно отпустить Её* – формально это нарушение заповеди. Или когда Иисус говорит: *Кто из вас без греха, первый брось на неё камень...* И все субботние дела Иисуса... То есть:

Когда милость и любовь сталкиваются с заповедями, первенство остаётся за ними – за милостью и любовью.

Может быть, все заповеди, кроме двух главнейших, и написаны для тех, у кого слабовато с милостью и любовью, кому нужен чёткий ориентир. Главнейшее – отношения, свободные отношения между Богом и человеком: *...и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими.*

Чего хочет Бог? Всего. Всего человека. В подстрочнике на иврите вместо *всеми силами* стоит *меод* – «очень». И в разных переводах Второзакония мы можем прочесть:

... всем существом твоим; ...всей крепостью твоей; ...всеми силами твоими.

Это как в книге Бытия: дерево познания добра и зла на самом деле означает *познания всего*, это просто такой речевой оборот. Смысл здесь: полюби Его всеми своими клеточками, всеми составляющими тебя частями. Бог открыто говорит: *ибо Господь, Бог твой, Который среди тебя, есть Бог ревнитель*. Он говорит, что не хочет, чтобы что-то или кто-то стоял между Ним и человеком, заслоняя Его или отвлекая от Него. Бог хочет всего человека. Он хочет, чтобы человек был полон Богом без остатка. И поскольку Бог есть любовь, то человек, по Его замыслу, должен быть переполнен любовью, и любовь должна быть основой его (человека) отношения к внешнему миру. Тогда вполне естественна вторая заповедь, непосредственно вытекающая из первой: *...и возлюби ближнего твоего, как самого себя*. Получается, что, кроме любви, вообще ничего не должно остаться в человеке. Тогда человек окажется достойным своего Создателя.

Но грусть сквозит в словах Творца, когда Он излагает Свои заповеди дальше. Потому что все они вовсе и не нужны, если первая заповедь выполняется честно. Потому что Он понимает, как высока планка, уста-

новленная первой заповедью, и даёт человеку программу-минимум, чтобы постепенно идти к её исполнению.

Свобода – путь к себе

Интуитивно ясно: свобода – это возможность найти себя, такого, каким хочет видеть нас Создатель, это путь к себе. Но что такое «к себе»? Как понять, узнать, что именно Господь замыслил обо мне? Очень просто – и очень сложно: вспомним про Авраама.

Лех леха – «иди своим путём», – сказал Господь Аврааму. С иврита это можно перевести и словами «иди к себе». Иди к себе, выйди из среды строивших Вавилонскую башню. Свобода – это ведь ещё и свобода «не быть как все». В одном из иудейских комментариев к Ветхому Завету сказано: «Как бы мы могли дожить до сего дня, как бы мы могли столько перенести и выжить, если бы не восприняли завещанного нам Авраамом мужества быть меньшинством?»

Лех леха – иди, пока не услышишь «здесь», иди сам, но *слушай!* Слушай Его внимательно. «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь» (Экзюпери).

Ты сброшен в пропасть – ты рождён.

Ты ни к чему не пригвождён.

Ты сброшен в пропасть, так лети.

Лети, цепляясь по пути

За край небесной синевы,

За горсть желтеющей травы,

За луч, что меркнет, помелькав,

За чей-то локоть и рукав.

(Л. Миллер)

Ты призван пройти сам путь от себя сегодняшнего, повреждённого, к себе подлинному. На твоём пути будет множество препятствий, слова *ничто не должно обладать тобою* означают: соблазны разного рода будут тебе как цепь, не дающая двигаться к твоей цели.

Ты должен сам найти и пройти этот путь, только слушай Его, только избери Его своим штурманом, подобно Аврааму. Для каждого из нас – отдельно и заново – разворачивается путешествие из вечной Книги, которое начинается, когда мы, как щелчок, услышим: *Лех леха*, в котором – долгий-долгий путь через пустыню из рабства в свободу, в котором мы косноязычно и восторженно говорим Ему: «Хорошо нам здесь, Господи!»

Если наша свобода – ответ Его свободы, она должна носить какой-то Его отпечаток. А на чём замешено всё в Его отношении к нам? – На

любви. И, значит, высшая наша свобода – в соединении с Ним в любви, в признании этого как самого важного для нас. Именно поэтому это самое устойчивое состояние нашей души: *Ангелы на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею; ни высота, ни глубина не отлучит нас от любви Божией; войди в радость Господина твоего.*

Он протягивает нам руки и зовёт к Себе, на иной уровень, не решая наших земных проблем.

Прот. Александр Шмеман:

Истина христианства в том, что оно не разрешает проблемы, а снимает их, переводит человека в тот план, где их нет. В том же плане, в котором они есть, они потому и есть, что они неразрешимы.

Не я живу, но живёт во мне Христос – это не существование манекена, марионетки, а существование любящего. Мы не отработываем Его волю, мы «подставляем» Ему – ведь это счастье, когда ты отдаёшь себя любимому существу, и при этом любовь взаимна.

Идти к себе – это использовать свою свободу, чтобы пройти узкими вратами туда, где Он ждёт тебя, где ты с Ним соединишься, где ты увидишь белый камень со своим именем.

Краткий итог обсуждения

Свобода дана нам для того, чтобы мы по своей вольной воле ответили на Его зов *выбери жизнь*, жизнь в Нём, чтобы мы двинулись к Нему на поиски себя, на поиски Его замысла о нас.

Мы предупреждены Им: *входите узкими вратами*; это означает, что на пути к Нему мы будем стеснены обстоятельствами разного рода, и Он ждёт от нас верности и стойкости именно в этих обстоятельствах.

На этом пути, взаимодействуя с другими людьми, мы должны жертвовать частью своей драгоценной свободы, чтобы выделить пространство для другого, но об этом Господь и сказал: *Давайте, и дастся вам, кто имеет, тому дано будет и приумножится.*

Мы должны совершать наш путь, не зажимываясь, не отворачиваясь от зла и неправды, но отвергая эту неправду и открыто свидетельствуя о ней. При этом мы не должны выталкивать из своего сердца того, кто творит эту неправду.

Мы должны помнить, что прощение

есть проявление милости и свободы, потому что Он так делает постоянно, потому что это – Его путь.

Свободно выбрав путь к Нему и понимая, что это нелёгкий путь *узкими вратами*, мы должны сознавать, что нам понадобятся усилия и сосредоточенность. Свобода «без тормозов» чревата саморазрушением.

И когда мы совершаем наш путь не по одному, а вместе, в Церкви, то свобода наша возрастает, поскольку в Церкви умножается любовь, а любовь – это дрожжи свободы.

Границы свободы

Сегодня мы пытаемся найти для себя ответ и на такие вопросы: где границы нашей свободы? Возможна ли свобода в тисках обстоятельств, зла и страданий?

Вопросы эти настолько важны и серьёзны, что правильнее всего обратиться к свидетельствам. Одно из самых ярких свидетельств – книга австрийского психолога и психиатра Виктора Франкла, прошедшего три года в нацистских концлагерях, где погибла вся его семья (жена, отец, мать, брат с женой), книга, которую он написал на одном дыхании, за 9 дней, сразу после освобождения в 1945 году.

В. Франкл, «Человек в поисках смысла»:

Осуществляя смысл, человек реализует сам себя. Осуществляя же смысл, заключённый в страдании, мы реализуем самое человеческое в человеке. Мы обретаем зрелость, мы растём, мы перерастаем самих себя. Именно там, где мы беспомощны и лишены надежды, будучи не в состоянии изменить ситуацию, – именно там мы призваны, ощущая необходимость измениться самим. И никто не описал это точнее, чем Иегуда Бэкон, который попал в Освенцим ещё ребёнком и после освобождения страдал от навязчивых представлений: «Я видел похороны с пышным гробом и музыкой – и начинал смеяться: не безумцы ли – устраивать такое из-за одного-единственного покойника? Если я шёл на концерт

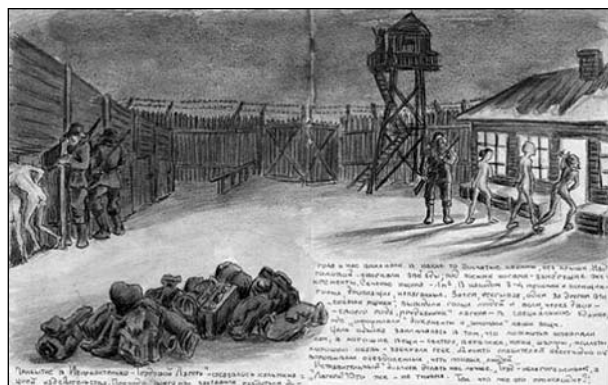

Рисунок Е. Керстовской

или в театр, я обязательно должен был вычислить, сколько потребовалось бы времени, чтобы отравить газом всех людей, которые там собрались, и сколько одежды, сколько золотых зубов, сколько мешков волос получилось бы при этом». И далее Иегуда Бэкон спрашивает себя, в чём мог заключаться смысл тех лет, которые он провёл в Освенциме: «Подростком я думал, что расскажу миру, что я видел в Освенциме, в надежде, что мир станет однажды другим. Однако мир не стал другим, и мир не хотел слышать об Освенциме. Лишь гораздо позже я действительно понял, в чём смысл страдания. Страдание имеет смысл, если ты сам становишься другим».

... Может ли человек перед лицом таких обстоятельств обладать свободой выбора своих действий?

Опыт лагерной жизни показывает, что у человека есть свобода выбора. Че-

ловек может сохранить остатки духовной свободы и независимости мышления даже в условиях крайнего психического и физического напряжения.

Мы, прошедшие концлагеря, можем вспомнить людей, которые ходили по баракам, утешая других и подчас отдавая последний кусок хлеба. Пусть их было немного, они служат достаточным доказательством: у человека можно отнять всё, кроме одного – его последней свободы: выбрать своё отношение к любым данным обстоятельствам, выбрать свой собственный путь.

Достоевский как-то сказал: «Есть только одно, чего я боюсь: быть недостойным своих страданий». Эти слова часто приходили мне в голову, когда я встречался с мучениками, поведение которых в лагере, их страдания и смерть доказывали, что последняя внутренняя свобода не может быть потеряна. Они

были достойны своих страданий, ибо то, как они их переносили, было подлинным внутренним подвигом. Именно эта духовная свобода, которую невозможно отобрать, придаёт жизни смысл и цель.

И закончить хотелось бы опять-таки словами **Франкла**:

...Человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдаёт себя делу, чем больше он отдаёт себя другому, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой.

Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя...

PRO И CONTRA

Весной в Интернете (портал «Православие и мир») появилось письмо кандидата биологических наук, профессора

Института биологических наук и кафедры экологии и эволюционной биологии Мичиганского университета США А. Кондрашова, написанное в ответ на статью игумена Петра (Мещеринова) «Размышления о расцерковлении» (о людях, не любящих Церковь).

Письмо (мы публикуем его с сокращениями) вызвало целый ряд откликов. Учёному отвечает известный библист и публицист Андрей Десницкий

Алексей Кондрашов

Игумен Пётр (Мещеринов) подробно написал об одном широко известном обстоятельстве: многие из людей, «которых в православной среде презрительно именуют либеральными... на дух не переносят Русскую Православную Церковь». (...)

По его наблюдениям, «...даже те, кто позиционирует себя в качестве агностиков, с огромным уважением относятся к образу Христа», но считают, что «наша Церковь имеет ко Христу весьма малое отношение». (...).

Меня «зацепил» этот текст. (...) он написан будто бы обо мне – закоренелом

Почему я не православный

умеренном либерале, который 1) «с огромным уважением относится к образу Христа», 2) «на дух не переносит РПЦ» и 3) несмотря на свои «человеческие слабости», обладает «нравственной интуицией» (не мне судить, насколько верной). (...)

Вот мне и пришло на ум растолковать игумену Петру и его единомышленникам, почему я, подобно многим моим друзьям и коллегам, не приемлю их религию и Церковь. (...)

Как и всякую высокоразвитую религию, православие удобно подразделить на четыре компоненты:

1. Утверждения о свойствах потустороннего мира,
2. Утверждения о свойствах материального мира,
3. Этика – утверждения о том, что хорошо и что плохо,
4. Практика – что реально творят последователи данной религии. (...)

Православие о потустороннем мире

(...) а) Православие утверждает, что наиважнейшее в потустороннем мире – это единый и единственный Бог – нечто, существующее беспричинно и являющееся причиной всего остального. За исключением буддистов, адепты самых разных религий согласятся и с этим клю-

чевым утверждением. Да и у людей нерелигиозных и неверующих слова «Бог есть!» сами по себе обычно не вызывают аллергии.

В самом деле – гипотеза о существовании иного мира не противоречит да и не может противоречить никаким научным фактам, и давно известны осмысленные доводы в её пользу. Так, для меня частичная свобода моей воли не подлежит сомнению и свидетельствует о том, что не всё моё существо полностью контролируется законами природы. С личным опытом бытия Божия у подобных мне духовно заурядных людей дело обычно обстоит хуже, так что в разные периоды жизни я относился к гипотезе «Бог есть!» по-разному. Но ничего дурного в ней нет (...) Если человек и вправду не одинок онтологически – то это хорошо...

(...) Конечно, «доказательства бытия Божия» на настоящие доказательства не тянут – но задуматься они заставляют. К тому же некоторые люди имеют – или думают, что имеют – яркий личный опыт общения с Богом. Так или иначе, мы, либералы, «на дух не переносим РПЦ» никак не из-за того, что она проповедует, что Бог есть.

б) (...) напомним, чему учит православие о самом Боге. Утверждается, что в

Боге есть 3 компоненты (лица, «ипостаси»), находящиеся в строго определённых отношениях между собой – Отец вне времени родил Сына, а Дух изшёл от Отца. И в это надлежит верить в точности (...).

Возникает естественный вопрос – чем православное учение о Боге лучше прочих? Собственных сведений о структуре Бога у меня (...) нет, а очень многие деноминации, в том числе и христианские, вообще отвергают троичность Бога. Ответ православных известен – истинно именно наше учение, поскольку оно было открыто самим Богом (его третьим лицом) семи Вселенским соборам.

Верно ли это? Первый (Никейский) Вселенский собор, осудивший взгляды Ария и заложивший основу православного учения о Троице и о природе Христа, состоялся в 325 г. по инициативе и под руководством «равноапостольного» императора Константина. Сразу после этого Собора Константин обратился к «епископам и народам» с посланием, в котором, в частности, сказал: «(...) кто будет обличён в утаении написанного Арием сочинения, кто тотчас же не представит и не сожжёт его, тому наказанием будет смерть; тому, немедленно по открытии вины, отсечена будет голова. Бог да сохранит вас».

Удивительно, как уже первое поколение христиан-победителей нисколько не уступало в жестокости гнавшим их ещё совсем недавно язычникам... А через год Константин убил сначала своего сына, а затем и свою вторую жену (...) Поэтому, когда мне говорят, что Дух возмещал через Константина со товарищи возвышенные истины, на ум приходят лишь слова Станиславского – «Не верю!». (...)

в) Ещё одно утверждение православия о свойствах иного мира принципиально важно – учение о Рае и Аде. Якобы тех, кто вёл себя хорошо, ждёт вечное блаженство, а тех, кто плохо (...) – вечные муки. Православные много и со вкусом описывают эти муки, часто сравнивая их с действием огня, и поместный собор в Константинополе осудил гипотезу Оригена о всеобщем спасении. При этом христиане верят, что сам воплощённый Бог мучился, с перерывами, меньше суток – но что и этого хватило для искупления то ли всего человечества, то ли, по меньшей мере, его православной части. Видно, страдания начальника много важнее, чем страдания всякой шелупони... Неудивительно, что у людей с «нравственной интуицией» рассказы про Ад часто вызывают вовсе не страх, а недоверие к его апологетам – членам РПЦ или иных христианских деноминаций (...).

Вопрос – приходилось ли вам когда-нибудь испытывать серьёзные муки – когда сознание темнеет и трудно сдерживать крик (...)? Если да, то приговорите ли вы к таким мукам навечно даже самого гнусного злодея (...)? Если да, то какой же вы христианин – а если нет, то почему вы думаете, будто Бог злее вас? Евангелия говорят, что Иисус своих палачей простил... (...)

Православие о свойствах материального мира

а) (...) В общей форме утверждение о том, что видимый мир имеет своей причиной Бога, фактам противоречить не может – а Большой взрыв (...) очень похож, на наивный взгляд биолога, на акт творения. Вот тут бы основателям всяких религий и остановиться, а не сочинять детали...

Если не придираться к таким мелочам, как сотворение зелёных растений до Солнца и звёзд, рассказ о первых пяти днях творения можно при желании считать метафорическим описанием прошлых событий. Но уже 6-й день и дальнейшее «священное естествознание» отношения к реальности не имеют. Не было никакого сотворённого из пыли первого мужчины Адама; никаких четырёх вытекающих из Рая рек; никакой сотворённой из ребра первой женщины Евы и никакого первородного греха (...). А была медленно эволюционирующая линия предков современных людей, которая ещё 10 миллионов лет назад являлась предковой и для обоих современных видов шимпанзе – и которая в каждый момент времени была представлена многими особями. (...)

От этих мифов не было бы вреда, если бы они так и подавались – как мифы. Кому-то они могут даже показаться поучительными – хотя лично мне Бог, разом топящий всех детей по всему свету, отвратителен, и я рад, что миф о потопе – это всего лишь поклёп на Бога. Но не тут-то было – РПЦ трактует эти мифы как описание реальности.

(...) здесь не только либерал, но и вообще любой Homo sapiens, не желающий одичания России, поневоле оказывается по разные стороны баррикад с РПЦ и её Патриархом. Наше происхождение от обезьяны школьникам надлежит именно навязывать – так же, как и то, что $2 \times 2 = 4$, Земля круглая и крутится вокруг Солнца, а Волга впадает в Каспийское море. (...)

б) (...) допустить, что Иисуса вообще не было, я совершенно не могу – в Евангелиях полно такого, чего никакой Шекспир не сочинил бы. Придумай-ка Заповеди блаженства... Или кому пришлось бы в голову выдумать упомянутое во всех четырёх Евангелиях отречение Петра – уважаемого лидера общины ранних христиан?

Однако многое в Евангелиях вызывает у меня серьёзное недоверие – прежде всего, многочисленные чудеса. Уже зачатие Иисуса без участия мужчины подразумевает нарушение множества законов природы. (...) А тут ещё и изгнания бесов, хождение по воде, воскресение, вознесение... (...) А уж Священное предание об Иисусе – скажем, история «Нерукотворного образа» – кажется и вовсе неправдоподобным. И, наконец, доведённая Лукой до Адама генеалогия Христа с необходимостью легендарна – ввиду легендарности Адама.

Но (...) найти что-либо отталкивающее в самом образе Иисуса очень не-

просто (...). Молился, учил, лечил, никого не обидел, ничего не имел, никого не боялся, добровольно пошёл на смерть, не подставив при этом никого из учеников... Ну не стал бы я сравнивать хананянку с собакой и, умей я исцелять, вылечил бы её дочь сразу же (...) но спишем это на мою глупость или на ошибки евангелистов... Иисус, сам ничего не писавший, не несёт ответственности за неточности, преувеличения, и, возможно, даже прямой обман, содержащиеся в Евангелиях. (...)

Вопрос – воспользуемся машиной времени и слетаем сперва в начало XV века – поприсутствовать при совершаемых по наущению святого митрополита Фотия казнях «стригольников»; затем в 1504 г. – посмотреть и послушать, как горят в деревянной клетке на льду Москвы-реки осуждённые по инициативе святого Иосифа Волоцкого «жидовствующие» Иван-Волк Курицын, Дмитрий Коноплёв и Иван Максимов; затем в конце XVI века – на казни «колдунов», приветствуемые святым Патриархом Иовом; и наконец в 14 апреля 1682 г. в Пустозёрск – на сожжение новообрядами, после 15 лет подземной тюрьмы и зверских издевательств, гениального писателя Аввакума Петровича Кондратьева и его союзников-старообрядцев Феодора, Епифания и Лазаря. Вам понятно, откуда взялось мнение, что РПЦ «имеет ко Христу весьма малое отношение»?

в) (...) По опыту подделки чудес православие не уступит никакой другой религии. (...) Давно известно, что «Благодатный огонь» – бесстыдная фальсификация, но это не мешает каждый год доставлять его специальным бортом из Иерусалима в Москву и в пожарном порядке развозить по всей России (видимо, деньги в стране девать некуда), – а потом ещё и пиарить его по государственному телевидению и на Правмире.

Поэтому до тех пор, пока однозначно не показано обратное, надлежит держаться нуль-гипотезы о том, что чудес не бывает (...) так что все рассказы православия и прочих религий о современных чудесах – ложь. Врать вообще нехорошо, а для учёного подделка данных – грех непростительный (...) и очень серьёзное основание «на дух не переносить РПЦ». (...)

Православная этика

Теистическая этика основана на представлениях о том, какие из совершаемых нами в видимом мире дел угодны – и какие неуютны – потустороннему Богу. Разные религии придерживаются очень различных мнений на этот счёт. Что же говорит православие?

а) Основой любой христианской этики должно было бы быть учение Иисуса. Трудно предъявить претензии к этому учению – ну разве что в том, что заурядным людям оно не по зубам: сроду не видел человека, живущего по Заповедям блаженства... (...) сути дела это не меняет – этика Иисуса возвышенна и прекрасна.

(...) Но вот спрятаться за широкую спину Иисуса от последующего «твор-

ческого развития» евангельской этики Церковью уже не получится. Рассмотрим два аспекта этого развития.

6) Святость и святые. Православный святой – это человек, чья богоугодность признана всей Православной церковью. Таким образом, святые сами свидетельствуют о православии – что же оно считается богоугодным. Вот несколько примеров:

1. Равноапостольный Константин – см. выше.

2. Преподобный Иосиф Волоцкий, Волоколамский чудотворец – вдохновитель и организатор одного из религиозных геноцидов в России – см. выше. (...)

Можно было бы попытаться списать канонизацию такого рода деятелей на зверство прошлых нравов (...) Но РПЦ и сейчас вовсе не стесняется святого Иосифа Волоцкого – недавно Патриарх Кирилл назначил его покровителем православного бизнеса. Кроме того, и среди недавно прославленных святых попадаются выдающиеся мерзавцы.

3. Епископ Николай Велимирович, канонизированный Сербской православной церковью в 2003 г. и популярный в РПЦ. В 1943 г., когда немцы при пособничестве местных националистов заканчивали уничтожение сербских евреев (в 1941–1944 гг. в Сербии убили около 90% евреев – 80 тысяч человек), «Сербский златоуст» заявил:

«Сейчас Европа – это поле битвы евреев и их отца – дьявола против Небесного Отца и его Единородного Сына. ... Евреи сначала хотят юридического равноправия с христианами, чтобы затем подовать христианство, превратить христиан в неверующих и наступить на их шеи. Все современные европейские лозунги были придуманы распявшими Христа евреями: демократия, забастовки, социализм, атеизм, веротерпимость, пацифизм, мировая революция, капитализм и коммунизм. (...)»

4. Николай II. Всем известны его фатальные провалы – Ходынка, Цусима, Кровавое воскресенье, неотменённая Черта оседлости, Распутин, разгром Московского университета, ненужная России война, приведшая к развалу страны и большевизму. Расстрел – разумеется, по приговору законного суда, и не с женой и детьми – Николай II, видимо, заслуживал только за циничное убийство более 100 безоружных людей 9 января 1905 г. Наверное, его можно даже пожалеть – ну, не годился человек в правители. Но святой? Для меня канонизация Николая II стала последней каплей – после неё я положил никогда больше в храмы РПЦ не заходить – дабы не навредить там на его икону.

Вывод напрашивается – Православная церковь готова признать святым всякого, кто помогал ей приобрести и удерживать власть – не важно, какими средствами. (...)

в) Отношение православия к основе современной цивилизации – правам человека. Православие их отвергает, прикрываясь демагогией о том, что надо учитывать «нравственные традиции».

Хотя идея-то нехитрая – никто не смеет силой препятствовать человеку (совершеннолетнему и дееспособному) делать то, что не наносит явного и прямого вреда никому другому, или заставлять человека делать то, что якобы будет ему полезно. Применять насилие можно лишь для поддержания правопорядка и защиты слабых – но никак не для насаждения тех или иных представлений о нравственности. (...)

(...) я, как и многие мои друзья, буду противником любой организации, выступающей против неотчуждаемых прав каждого человека, не зависящих от чьих-либо верований, прихотей и «традиций».

Вопрос – почему РПЦ уделяет такое неподобающе большое внимание борьбе против гомосексуализма, женского священства, контрацепции и эпатажной живописи? Вы правда думаете, что гей-парады страшнее, чем 18 литров алкоголя на душу населения в год? (...)

Практика православия

Безотносительно ко всяческому теоретическим построениям, очень важно, что же делают последователи того или иного учения. Иисус сказал прямо – по плодам их узнаете их... Вот некоторые общеизвестные факты из прошлого и настоящего РПЦ.

О борьбе РПЦ против своих непосредственных конкурентов, а также против просвещения и науки в царские времена написано достаточно. Даже в 1913 г. зоологические антисемиты Павел Флоренский и Василий Розанов топили несчастного Менахема Бейлиса, которого власти хотели повесить за совершённое не им убийство. В советское время РПЦ подвергалась гонениям, и это пошло ей на пользу – творить зло она более не могла, а многие – хотя и далеко не все – её члены проявили замечательную твёрдость в хранении своей веры. Благополучная постсоветская РПЦ во многом походит на фарсовую реинкарнацию страшной царской РПЦ. Бросаются в глаза:

1) Бесплодность проповеди – несмотря на то, что более половины россиян крещены в православие, и на государственную поддержку РПЦ в течение последних 20 лет, Россия относится к числу мировых лидеров по пьянству, наркомании и числу беспризорных детей и заключённых. Даже на Рождество и Пасху в богослужениях участвует менее 5% населения России (в США – более 50% каждое воскресенье).

2) Вязотекущие попытки бороться с наукой и просвещением.

3) Блатной менталитет: «свой – хороший, чужой – плохой». С одной стороны – безоговорочная солидарность с православными сербами, среди прочих своих зверств убившими 8 тысяч безоружных жителей Сребреницы в течение 12 дней в июле 1995 г. С другой – иррациональное и часто комичное неприятие «Запада», прежде всего США.

4) Заражённость многих членов огромным антисемитизмом – например:

<http://www.rons.ru/index.htm>,
<http://www.rusidea.org/>, <http://3rm.info/>.

5) Популярность воззрений, маргинальных среди обычных людей. К примеру, о предателе Власове и его приспешниках синод РПЦЗ высказался так: «Всё, что было ими предпринято – делалось именно для Отечества, в надежде на то, что поражение большевизма приведёт к воссозданию мощной национальной России». (...)

6) Полное нежелание принести, по примеру Католической церкви, покаяние даже за самые явные свои преступления – хотя бы за лютые преследования старообрядцев. (...)

Итоговые соображения

Ещё 25 лет назад такого рода текст был бы неуместен – нехорошо критиковать гонимых. Но теперь, по крайней мере, некоторые «традиционные» религии в России более не преследуются. Поэтому спрос с РПЦ по полной программе стал и возможен и полезен.

(...) **Моё отрицательное отношение к РПЦ вызвано не неприятием идеи Бога или образа и учения Иисуса, а тем, что я не воспринимаю РПЦ как сообщество христиан.** (...)

Говоря попросту – православные, вы что – с дуба упали? **Вы будете нам навязывать произвольные и зачастую аморальные представления о Боге, мешать преподаванию в школе общепринятых фактов, распространять заведомое враньё, превозносить палачей, лезть в чужие спальни со своими ЦУ – а мы вам будем хором говорить спасибо?**

Позволю себе дать начальствующим в РПЦ непрошенный совет. Начните с простых шагов, которые никак не подорвут основ вашего вероучения и которые были бы безусловно справедливыми. В частности:

1. Прекратите бороться против науки. Человек произошёл от обезьяны – и ничего страшного от запоздалого признания этого факта не случится, как не случилось от признания вращения Земли вокруг Солнца.

2. Объявите официально, что «Благодатный огонь» – фальшивка и что подделывать чудеса вообще нехорошо, и отчески накажите самых злостных обманщиков, дабы прочим неповадно было.

3. Выкиньте из ваших святцев явных негодяев, невзирая на их заслуги в насильственном насаждении православия.

4. Опубликуйте – и регулярно обновляйте – список именующих себя православными изданий и интернет-сайтов, которые РПЦ не одобряет – ввиду не потребности их контента.

5. Покайтесь в прошлых преступлениях РПЦ и пообещайте больше так не делать.

Такие шаги не приведут к тому, что подобные мне люди толпами побегут в РПЦ креститься – для этого нас надо будет ещё убедить в исключительной истинности православного учения и пользе православной практики. Однако они, безусловно, открыли бы путь к диалогу. (...)

Андрей Десницкий

Почему приличный человек может быть христианином?

Есть в риторике такой нечестный аргумент: сведение к Гитлеру. Дескать, если рассуждать так, как мой оппонент, то и Гитлер был прав... Но беда в том, что есть немало вещей, которые и сводить к Гитлеру не надо, он уже их сам к себе свёл. Он был вегетарианец – так значит, вегетарианцы, заботясь о коровках и овечках, способны отправлять на смерть миллионы расово неполноценных людей. Он пришёл к власти строго демократическим путём – так значит, демократия ведёт к мировым войнам. Его солдаты несли на груди железные кресты как знаки отличия, а на бляхах у них было начертано «с нами Бог» – так значит, христианство...

Стоп. Вот тут мы чувствуем подвох: ни вегетарианцы, ни христиане очевидным образом не являются приверженцами Гитлера. Но почему тогда с той же лёгкостью мы переносим подобный подход на многих других людей, совершивших ужасные поступки: тех, кто сжигал на площадях еретиков, например? Они тоже шли под знаменем креста, но это не значит, что все, кто осеняет себя крестным знаменем, приравниваются к ветеранам СС или палачам-инквизиторам.

В этом мире крайне редко приходится встречаться с чистым злом и чистым добром, всё бывает смешано. Даже те идеи, те институты, которые мы охотно принимаем и считаем безусловно правильными, вовсе не возникли в пробирках, среди учёных в белоснежных халатах. Они тоже рождались среди грязи и крови...

Возьмём, к примеру, демократическое государственное устройство, которому сегодня стараются подражать даже самые свирепые диктатуры: всеобщие выборы, конституция, разделение ветвей власти. Первым подобным государством стали более двух веков назад США, и вот эта сама демократия долгие десятилетия охраняла самое жестокое рабство (а потом ещё сто лет – не менее жестокую сегрегацию), она проводила форменный геноцид индейских пле-

мён, она отобрала половину территории у своей соседки, такой же республиканской Мексики, она...

Впрочем, хватит. История США – это история борьбы демократических идеалов с жестокой и совершенно не демократичной реальностью, и она ещё далеко не закончена. Нынешний чернокожий президент выдвинут от партии демократов, которая во время Гражданской войны... поддерживала рабовладение! Мы могли бы сказать: посмотрите, что делали эти ваши демократы двести лет назад с индейцами и неграми, да это ведь отвратительно! Но сказать так было бы несправедливо: перестали (не сразу и не без борьбы) так обходиться с небелым населением своей страны именно потому, что идеалы демократии, заложенные в фундамент американского общества, входили в яркое противоречие с таким обращением.

Возьмём другой всем известный пример – права человека. Долгие века это сочетание слов казалось абсурдным: свои права есть у монарха, свои – у знати, свои – у ремесленников и купцов, и даже у крепостных крестьян есть свои права, пусть очень небольшие (например, отдохнуть в великий праздник). Но чтобы какие-то права были у всех людей вообще, притом права одинаковые, без различия сословий?!

Впервые такую идею провозгласило французское государство в 1789 году... и затем оно развязало сначала волну жесточайшего террора против всех несогласных, а после того и череду захватнических войн, докатившихся и до нашей страны, где о правах человека в то время не говорили. Воевали французы, между прочим, не только за имперские идеи, но именно что за права человека: в Испании, например, они отменили инквизицию, в России освободили крепостных. Но почему-то наши симпатии не на стороне этих прогрессоров, а на стороне героев двенадцатого года, защищавших свою Родину.

Читая длинное и интересное письмо Алексея Кондрашова, я то и дело соглашался. Ах, если бы и в самом деле была такая религия, которую нельзя было бы ни в чём упрекнуть! Всем была бы очевидна святость её приверженцев, редчайшие случаи неэтичного поведения осуждались бы сразу, её вероучение предугадывало бы все новейшие научные открытия и отвечало на все сложные вопросы бытия... Я бы непременно принял такую религию! Правда, остаётся вопрос: приняли бы в неё меня, какой я есть? Сочли бы достойным?

Нет таких религий и не может быть в этом мире. Ни одно человеческое сообщество, которое существует столетия и насчитывает многие тысячи людей, не является идеальным – это у костра в походе люди могут петь под гитару, ощущая своё братство и единство, но длится такое дни, редко – неделю-другую.

Стоит поехать на Грушинский фестиваль, чтобы убедиться: когда под гитару поют по расписанию тысячи не знакомых тебе людей, то уже возможно всякое, и не всегда так здорово, что все мы здесь сегодня собрались. Пока община верующих мала, пока с ней Учитель, всё кажется идеальным, но потом...

Я знаю, кстати, только одно исключение: есть древняя книга, где с самого начала кружок единомышленников изображён реалистично. Ученики там бывают тугодумами и эгоистами, один и вовсе оказывается предателем, а в решающий момент все они разбегаются... чтобы потом собраться вновь и преобразить этот мир. Книга называется Новый Завет, но о ней мы поговорим позднее.

Наполеоновская Франция была разбита, но идея прав, которыми всякий из нас обладает от рождения в силу своей принадлежности к человеческому роду, победила. Понадобилось полтора столетия, чтобы подобную декларацию приняла ООН, и понадобится ещё неизвестно сколько лет, чтобы она наконец-то начала соблюдаться во всех странах без исключения. Но скажем ли мы: якобинцы устроили террор, Наполеон был захватчиком, и потому мы выбросим на помойку саму идею прав человека? Да ни за что. Почему-то подобные претензии предъявляются только к христианству.

Предвижу возражения: ну хорошо, история христианства полна крови и грязи точно так же, как и реальная история любых других прекрасных идей, но почему бы тогда не осудить тех, кто не соответствовал нынешним стандартам, как теперешние демократы осуждают рабовладение?

Кондрашов приводит пример: православные числят среди святых Иосифа Волоцкого, который очень уж был жесток с еретиками. Во-первых, можно привести множество примеров такого же рода и из других областей: в США почитают память генерала Р.Э. Ли, который весьма талантливо руководил войсками... рабовладельческих южных штатов. Очевидно, чтут его не за приверженность рабовладению, которому тогда сочувствовали многие, а за какие-то совсем другие качества. «Он был Цезарем без амбиций, Фридрихом без тирании, Наполеоном без эгоизма, Вашингтоном без вознаграждения», – сказал о нём после его смерти Б.Х. Хилл. Не то чтобы был идеальным человеком и боролся за правое дело – зато у него есть, чему поучиться.

Точно так же и Иосиф Волоцкий был человеком своего времени, рубежа XV–XVI вв., когда публичное сожжение еретиков было вполне обыденным явлением (и на Руси их жгли, кстати, в гораздо меньших количествах, чем в Европе). Но допустим просто такую теоретическую возможность: вдруг и он сделал что-то такое, что заставило современников и потомков вспоминать о нём с благодарностью? А если всё-таки перевешивает его жестокость (точнее, жестокость того времени), так ведь вполне можно быть православным и ему не молиться, икон его дома не держать.

В святцах очень много имён, но не каждого святого почитают все православные. Мне, к примеру, тоже

не близок преподобный Иосиф, гораздо ближе мне его современник Нил Сорский, другой канонизированный святой, стоявший, если можно так сказать, по другую сторону идеологического фронта – а канонизированы они оба, как и в американской истории остались и генерал Ли, и генерал Грант, великие полководцы, воевавшие друг против друга.

Дело не в них, в этих генералах Гражданской войны и в этих преподобных из давнего XVI века. Можно принимать американскую демократию просто потому, что она достаточно хороша, и не знать ничего о битве при Геттисберге. И точно так же можно принимать Евангелие, потому что оно истинно, и ничего не знать об идеологических спорах между Нилом и Иосифом – кстати, подавляющее большинство христиан так и делают.

Но Кондрашов ведь и пишет, что в Евангелии много сказано верного, а вот «РПЦ имеет ко Христу мало отношения». Не буду возражать, допустим на время, что это так: что организация, именующая себя РПЦ, на самом деле утратила всякую связь с Евангелием и превратилась в вертеп разбойников. Люди, верующие во Христа, порой приходят к такому выводу. Тогда они обычно становятся членами какой-нибудь другой церковной организации, но Кондрашов, насколько можно судить по его письму, не стал ни старообрядцем, ни католиком, ни лютеранином, ни баптистом и даже в какую-нибудь «истинно-православную» общину не вошёл. И вот это уже странно... Они что, все утратили связь с Евангелием, просто до единой? Вообще на земле не осталось христиан, которые бы следовали его заветам? И как давно не осталось, интересно?

Мысль эта не нова – её проповедовал в конце своей жизни Л.Н. Толстой (я, кстати, удивлён, что Кондрашов его не упоминает и не ставит заодно в вину РПЦ его отлучение, т.е. констатацию того факта, что он добровольно сделался её осознанным и непримиримым противником). Вполне логично это привело к тому, что вокруг Толстого стала собираться своя собственная община, и далеко не только в Ясной Поляне. Но сегодня днём с огнём не найдёшь толстовцев – а равно и последователей многих других учителей, которые предлагали своё собственное, новое прочтение Евангелия.

Дело в том, что с Евангелием нельзя сказать только А, не говоря Б. Можно прочитать роман М.А. Бул-

гакова «Мастер и Маргарита», восхититься художественным образом Иешуа и... продолжить жить, как ни в чём не бывало (так начался и мой путь в Церковь, кстати). Но вот прочитать Евангелие, согласиться с ним или хотя бы с основными его идеями и остаться в прежнем своём состоянии уже никак не получится. Булгаков никого ни к чему не призывает, его Иешуа – добрый и наивный чудак, и только. А вот Христос Евангелий (всех четырёх) делает немало очень серьёзных заявлений. Самое главное, Он ясно требует, чтобы те, кто поверят Ему, собирались вместе и свидетельствовали о Нём «даже до края земли». Кроме того, Он призывает всех нас пить от чаши Нового Завета, да и многое иное делать просто необходимо, если ты с Ним согласен. Жизнь человека, который принял Евангелие, отныне связана с Церковью, которую основал Сам Христос и которую не одолеют, по Его словам «врата ада».

Можно, конечно, сказать, что РПЦ и эта самая Церковь – совершенно разные вещи. Но тогда где она? Если её не видно в округе, можно попытаться создать её заново, и так поступали, по сути, основатели всех околехристианских сект, но не похоже, чтобы этот путь привлекал Кондрашова. Можно, наконец, сделать и ещё одну вещь: переделать Евангелие, радикально его сократить, выкинув все чудеса и вообще всё, что не понравилось по тем или иным причинам – именно это и сделал, кстати, Л.Н. Толстой, его версия Евангелия даже была в своё время напечатана. Но тогда давайте будем честны: это означает отвергнуть Евангелие в том виде, в каком оно до нас дошло, и предложить какое-то своё, неизвестное прежде, стать основателем новой религии – у Толстого, кстати, это так и не получилось.

Вот чего, на мой взгляд, порядочному человеку нельзя делать, так это внимательно прочитать Евангелие и сказать: «Да мне всё равно, правда это или нет, меня это не касается». Оно делает слишком серьёзные заявления, чтобы так к нему относиться. И точно так же нравственно недопустимо, на мой взгляд, сказать: «Да, по крайней мере, многое из этого есть истина, но для меня она ничего не значит, я буду жить, как и жил прежде». Пользуясь образом Кондрашова, это то же самое, что после «воспроизводящего нарушения» закона Ломоносова-Лавуазье» продолжить заниматься физикой как прежде, не обращая на это самое на-

рушение никакого внимания. Совесть противится такому решению, и приходится находить объяснение, например: да вы только посмотрите на эту РПЦ, что они там вытворяют... мне с ними не по дороге!

Да, есть такие, кто вытворяют – ну и что? Мне, к примеру, активно не нравятся многие поступки и заявления некоторых деятелей искусства, скажу обтекаемо, чтобы никого не обижать. Но если что-то некрасивое сделал кинорежиссёр, значит ли это, что я вообще никогда не стану смотреть никакого кино? Я, конечно, могу принять такое решение, но накажу я только сам себя.

А что христианство в XXI веке ставит перед нами множество

сложных вопросов, в этом я полностью согласен с Кондрашовым. Это и проблема отношения к историческому наследию, и согласование традиционных текстов с новейшими научными данными, и многое иное. Тут не обойтись простыми ответами, разбирать надо каждый вопрос в отдельности, с привлечением специалистов, и совершенно не исключено, что по некоторым из них мы не найдём окончательного и всех устраивающего ответа. Но сначала надо разобраться, хотим ли мы в принципе такой ответ найти или просто ищем повод сказать: нет, в эту церковь я ни ногой!

Христианство хорошо уже тем, что оно решительно отказалось от идеи втиснуть человеческую жизнь

в какие-то формальные рамки: исполняй такие-то обряды, воздерживайся от такой-то пищи и будешь спасён в вечности. «Всё мне позволено, но не всё полезно» – эти слова апостола Павла, на мой взгляд, предельно точно отражают христианский подход. Позволены нам и сомнения, и споры, и они вполне могут оказаться для нас полезными, так что я готов продолжить этот разговор на каком-то более узком материале.

А вот Церковь достаточно широка и разнообразна, чтобы вместить преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, а также, к примеру, биолога Алексея Кондрашова и филолога Андрея Десницкого. Но каждый решает за себя.

ДА БУДУТ ВСЕ ЕДИНО

К 50-летию кончины святителя Луки (Войно-Ясенецкого)

Борис Колымагин

Межрелигиозный диалог в Крыму*

11 июня 2011 г. исполнилось 50 лет со дня смерти святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Хирург с мировым именем, лауреат Сталинской премии, многие годы проведший в тюрьмах и ссылках за исповедание веры, был активным участником воссоздания структур Русской Православной Церкви в послевоенное время. Долгие годы ему удавалось совмещать научную деятельность и врачебную практику с архипастырским служением. Из многих тем, связанных с фигурой архипастыря, одна из наиболее актуальных – проблема межрелигиозного диалога. Как решал её святой, переведённый в 1946 году из Тамбова в далёкий Крым?

убедиться, что никаких религиозных проблем в СССР не было. Самой религии, впрочем, тоже не было. По крайней мере – в качестве фактора, о котором имело смысл говорить в общественных местах и по общественно значимым поводам.

Характер взаимодействия религиозных объединений определялся в кабинетах чиновников. Поэтому неудивительно, что легитимных мест для встречи представителей разных религий было не так уж много – форумы мира, международные конференции по проблемам разоружения

и солидарности трудящихся всех стран и подобные им пиар-акции.

Вне международного контекста межрелигиозные контакты не только не приветствовались, но рассматривались как угроза атеистическим устоям. Религиозная компонента, по логике идеологов нового мира, занимала малую часть в сознании советского верующего. Ни о каком серьёзном общении на религиозной почве и речи быть не могло.

Тем не менее, скрытые формы диалога в СССР существовали. В кухонных посиделках, в культурных разговорах и частных

В послевоенные годы в Советском Союзе религиозный фактор практически не оказывал влияния на публичную общественную жизнь. Достаточно просмотреть газеты тех лет, чтобы

* С целью сокращения объёма статьи редакция не приводит авторские ссылки на цитируемые документы.

письмах обсуждались интересные определённую часть верующих вопросы. Иногда представители разных конфессий совершали знаковые жесты. Когда, например, в середине 50-х годов иудеи Евпатории отчаялись зарегистрировать свою общину, они обратились с письмом к Патриарху Алексию I, прося у него поддержки. В тех суровых условиях Патриарх, конечно, мало чем мог помочь. Но важно было само ощущение, что ты не один противостояшь безбожной власти.

В отчётах уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов сохранились скудные сведения о звучавшем под спудом диалоге. В центре него, без сомнения, находился архиеп. Лука.

Святитель считал, что не только православные, но и верующие других конфессий сообщают могут противостоять духовной деградации общества. В документах Совета по делам религиозных культов сохранился любопытный рассказ о том, как архиепископ в 1948 г. «прибыл в молитвенный дом евангельских христиан-баптистов в сопровождении двух монашек и одного священника». «Его приветствовал пресвитер общины Костюков. Лука выступил и заявил, что прибыл к ним, как к верующим в Единого Бога, и что он надеется на распространение веры в народе». Немедленно были приняты меры: «За допущение на кафедру архиепископа Луки Костюков предупреждён старшим пресвитером».

После этого визита глава Крымской епархии попытался сходить и к адвентистам. Но уполномоченный СДРК был на чеку, и у руководства адвентистов желание встретиться отпало.

Особо стоит отметить отношение святителя к католикам. В отчётах уполномоченного СДРПЦ сохранилось письмо одного из священников кафедрального Троицкого собора о том, «что Лука незаконно заставил его причащать католиков... Я во-

лю Луки выполнил только потому, что он, вызвав меня, сказал: “Если ты не будешь исповедовать и причащать католиков, ты мне не нужен, я тебя из собора уволю”. Отец Луки, насколько мне известно, был католиком, не лучше его и Лука, поэтому он не случайно окружил себя западниками». Здесь, наверное, стоит пояснить, что в послевоенном Крыму не было ни одного католического храма, и требования святителя диктовались исключительно пастырскими соображениями. Что касается православных священников из западных областей Украины, то святой ценил их богословскую образованность и охотно принимал в клир.

Свт. Лука стремился наладить добрые отношения с католиками и протестантами не только в Крыму. Он пробовал переписываться с заграницей, в 1957 г., скажем, написал письма в Париж и США. Однако до адресата они не дошли, попав в руки Г.Г. Карпова – председателя СДРПЦ. Из этого Лука сделал вывод: «Каждый сверчок знай свой шесток». И перестал писать иностранцам. «Я совершенно не в курсе жизни католической, англиканской, протестантской и других церквей мира», – жалуется владыка. Хорошо было бы, говорит он чиновнику СДРПЦ, если бы наше правительство дало право и свободу переписки с заграницей не только Патриарху Алексию, но и нам, епархиальным епископам.

Остро отреагировал свт. Лука на антикатолическую кампанию в советской печати в конце 40-х гг. 8 января 1949 г. он пишет письмо тогдашнему главному редактору «Журнала Московской патриархии» митр. Николаю (Ярушевичу) и критикует его за публикацию антикатолических статей в «ЖМП»: «Разве церковь католическая только папа и кардиналы, только Ватикан, к политике которого мы все относимся отрицательно? Разве церковь католическая не состоит из миллионов простых людей с чистыми сердцами? Зачем же отравлять их

статьями Гермогена (архиеп. Казанского Гермогена (Кожина) – *Ред.*), ставящими злые и тяжко греховные преграды между христианами? Зачем, зачем этот тяжёлый грех на радость врагам церкви?».

Святитель не сводил межрелигиозное общение к христианскому диалогу. С первых дней пребывания на крымской земле свт. Лука постарался установить нормальные отношения с иудеями. По сообщению начальника управления МГБ СССР по Крымской области, в начале марта 1947 г. архиепископ послал письмо на имя раввина симферопольской общины. Он писал, что «среди обращающихся к нему за лечением мало евреев». Но для него как врача-хирурга нет разницы в национальности и вероисповедании. И он просит «довести до сведения еврейского населения, что он лечит больных бесплатно».

Так, собственно говоря, было и в других местах. Показателен в этой связи случай с А.М. Штейнбергом. Однажды, во время многочисленных разъездов архипастыря по епархии, в Керчи к нему в вагон зашёл конференсье Аркадий Штейнберг. По сведениям начальника управления МГБ СССР по Крымской области, он «неоднократно целовал Луке руку и называл его исцелителем». Оказывается, в Ташкенте святитель спас его мать от тяжёлой болезни.

Спутник сказал Луке, что после его высылки на север всё еврейское население Ташкента сильно переживало. «Теперь это никогда не повторится, – продолжил Штейнберг, – вы лауреат Сталинской премии». На это свт. Лука возразил: «Это ничего не значит. Капицу же выслали, почему меня не могут выслать?». И тут же высказал мнение, что известный физик, директор Института физических проблем АН СССР оказался под домашним арестом за то, что «отказался работать в области атомной энергии, считая это дело в высшей степени разрушительным и аморальным».

В публичном пространстве архиеп. Лука всячески боролся с антисемитизмом прихожан, подогреваемым соответствующей государственной кампанией. 3 апреля 1948 г. он произнёс филосемитскую проповедь «О том, что Пресвятая Богородица была еврейкой», которая стала единственной в СССР подобной декларацией архиерея Русской Православной Церкви.

Известны и другие публичные жесты солидарности с еврейским народом. 9 мая 1947 г. в кафедральном соборе, говоря о победе в Великой Отечественной войне, свт. Лука не преминул напомнить: «Мы помним жуткие дни тирании над евреями городов, сами немецкие палачи ужасались и трепетали, видя зверство».

«Многим из нас бывают противны люди, непохожие на нас, с чертами лица монгольского, китайского или ярко выраженного еврейского типа», – говорил Лука в проповеди «О милосердном самарянине», подчёркивая греховность такой реакции.

27 апреля 1957 г., в день своего восьмидесятилетия, во время праздничного обеда архиепископ попросил стенографистку принести поздравительную телеграмму от иудеев. «Лука рассказал, что поздравления еврейская община прислала потому,

что он в одной из проповедей сказал о важной миссии еврейского народа».

Староста симферопольской синагоги Франклах, которого архиепископ когда-то лечил и спас от смерти, сам приходил поздравить архипастыря в дни церковных празднеств. А когда архиепископ болел, за него даже молились в синагоге.

А вот некоторые моменты, высвечивающие отношение свт. Луки к исламу. Дело происходит в Ташкенте в начале двадцатых годов: «Неожиданно для всех, прежде чем начать операцию, Войно-Ясенецкий перекрестился, перекрестил ассистента, операционную сестру и больного. В последнее время он это делал всегда, вне зависимости от национальности и вероисповедания пациента. Однажды после крестного знамения больной – по национальности татарин – сказал хирургу: “Я ведь мусульманин. Зачем же вы меня крестите?” Последовал ответ: “Хоть религии разные, а Бог один. Под Богом все едины”».

Свт. Лука неплохо знал Коран и умел его в нужном месте цитировать. «Нам следует взять пример с мусульман, у которых в каждом кишлаке и ауле непременно есть не одна, а несколько маленьких мечетей», – утверждал святой.

Лука высоко ценил религиозность мусульман и иудеев. Однажды на замечание одного из священников, что в воскресенье назначен воскресник, он сказал: «Вот русские люди трусы, татары бы и не вышли ни один на работу, и никто бы ничего с ними не сделал. Если бы так поступали с татарами или евреями в их праздник, то ни один не вышел бы на работу. Ну, а наши, русские, православные, как бараны, боятся и, несмотря на праздник, идут сатане навстречу».

И всё-таки свт. Лука был далёк от безбрежного экуменизма. Он умел «различать духи», чувствовал, понимал «духовную составляющую» ситуации. И когда вопрос касался прозелитизма, святой не боялся резких слов.

Святителя любили и уважали не только представители различных вероисповеданий, но даже убеждённые атеисты. Он скончался в самый разгар хрущёвских гонений. Стихийная демонстрация в Симферополе, в которую переросли его похороны, стала грандиозным провалом агитационной деятельности советских чиновников.

*Источник: интернет-портал
«Православие и мир»*

Я помню его уже слепым, за десять лет до его смерти в 1961 году. Помню его письма к моей матери, которые ему уже приходилось диктовать секретарше. Вокруг него складывались самые фантастические легенды. И неудивительно. Он поистине казался каким-то чудом природы, клубком противоречий.

Его держали в Симферополе, подальше от столицы. Не доверяли. Из сотен проповедей архиепископа напечатаны были лишь немногие. Не была издана и его главная богословская работа «О духе, душе и теле» (она увидела свет в Брюсселе через 17 лет после смерти её автора).

Иные люди, разглядывая бюст лауреата Сталинской премии, недоумевали: почему у него длинные волосы и иконка на груди? А когда им объясняли, что это панагия, знак епископского сана, изумлению их не было конца.

Люди уже знали правду о беззакониях и зверствах, о крахе нравственных устоев, об искажении в человеке образа Божия. Знать и помнить это надо. Однако столь же необходимо говорить и о тех, кто не сдался, кто не потерял себя, кто сохранил сокровища духа в самых тяжких обстоятельствах, кто по-настоящему служил ближним. Они не были сверхчеловеками. У них были и слабости, и ошибки. Они были «людьми среди людей».

**Прот. Александр Мень. Из предисловия к книге М. Поповского
«Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга»**

4 августа в нашем храме вновь молитвенно вспоминали отца Георгия Чистякова. В этот день, совпадающий с днём кончины митр. Антония, о. Георгию исполнилось бы 58 лет

Евгения Чигарёва

Об отце Георгии Чистякове

Окончание. Начало в «Приходской газете» №74

Творческое общение с о. Георгием не ограничивалось встречами в консерватории. Я уже говорила, что наше знакомство началось с моей статьи в «Русской мысли». Через год, 3 августа 1998 г., в день смерти Альфреда Шнитке, о. Георгий позвонил мне, первым сообщил об этом и заказал статью о Шнитке. А потом у меня возникла мысль написать о дружбе моего первого мужа, Виктора Петровича Бобровского, с Еленой Набоковой, сестрой писателя, и об их переписке. Так появилась ещё одна публикация в «Русской мысли».

Но помимо того, что было опубликовано в газете, у меня оставался богатый архивный материал, связанный с судьбой отца Виктора Петровича, Петра Семёновича Бобровского,¹ и их отношениями. «Об этом надо написать книгу», – сказал о. Георгий. Я загорелась этой идеей. Чтобы её осуществить, мне пришлось поехать в Прагу, к сводной сестре Виктора Петровича. Она многое рассказала мне об отце, об их жизни в эмиграции, я получила от неё бесценные архивные материалы.

Я начала писать и по частям давала читать о. Георгию. Но где это опубликовать? Из «Русской мысли» он уже к тому времени ушёл, но стал членом редколлегии возрождённого в 2001 г. «Вестника Европы». Именно туда хотел отдать мой материал о. Георгий, но не получил «добро» главного редактора, всё повисло в воздухе.

И тут произошло чудо – одно из тех чудес, которые нам порой посылает Бог (и которые мы воспринимаем как «случайность»).

Мой консерваторский товарищ В.В. Упорин оказался директором издательства, он знал и любил Виктора Петровича и с восторгом взялся за дело. Редактором же моей рукописи стала Марина Рахманова, с которой я также была дружна и которая училась у моего мужа. Книгу издали практически бесплатно, что для нашего времени – ещё одно чудо.

Мне очень хотелось, чтобы о. Георгий, который принял такое участие в судьбе книги, написал предисловие. Он с готовностью отозвался на просьбу, однако из-за постоянной занятости дело всё время откладывалось. Наконец, когда я поняла, что этого просто не будет, я скомпоновала предисловие сама, соединив цитаты из разных его работ, по тематике близкие книге. Получился единый, вполне связный текст. При этом я набрала его курсивом, честно сославшись на источники.

Перед тем как отдавать книгу в производство, я приехала к о. Георгию в Библиотеку иностранной литературы – в его просторный светлый кабинет с прекрасным видом из окна. Входя в эту «святая святых», я замирала от страха: как он воспримет моё самоуправство? О. Георгий просмотрел всё, одобрил, а по поводу «своего» предисловия сказал: «Лучше я бы уже не написал». Ещё бы! Это были фрагменты его прекрасных работ и, мне кажется, его сокровенные мысли – о внутренней эмиграции, о семейной памяти, об уходящей в прошлое настоящей русской интеллигенции... О. Георгий велел снять ссылки, тем самым утвердив единство текста и своё авторство.

Через какое-то время у меня возникла идея новой книги, которую я назвала «На пути к вере». Я хотела соединить в ней мемуарный материал и музыковедческий, но ориентированный не на профессионалов, а на любителей му-

зыки. Для меня эта книга была своего рода исповедью. Но я сомневалась, нужен ли мой личный опыт кому-то ещё.

Снова я обратилась за советом к о. Георгию. Просмотрев мои наброски и план, о. Георгий одобрил материал и благословил меня на этот труд. Происходило это в том же его кабинете Иностранной библиотеки. Помню, я торопилась и взяла такси, водитель же совсем не знал Москвы и кружил вокруг набережной, а я, сидя в машине и преодолевая ощущение кошмарного сна – что никак не могу добраться до о. Георгия, звонила ему, и он сокрушался, переживая за меня. И хотя я явно опаздывала и предлагала отменить или перенести встречу, он «передвинул» кого-то, кто должен был прийти после меня. Когда я наконец приехала, первые его слова были: «Сколько он взял с вас? 200 рублей? Ну, это ещё ничего. Я боялся, что вы отдадите всё, что получили!» Так о. Георгий всегда думал и беспокоился о других, но не о себе.

В конце 2006 г. о. Георгий предложил мне выступить на конференции, посвящённой памяти о. Александра Меня. Мы решили, что это будет фрагмент моей будущей книги: «Музыка. Молчание. Тишина. Молитва». Однако 13 января произошёл трагический случай: о. Георгий сломал плечо. Он не смог присутствовать на конференции, которую сам организовал и подготовил, но в течение всего этого вечера его имя упоминалось выступавшими, и казалось, он ря-

¹Пётр Семёнович Бобровский, министр Крымского краевого правительства, после разгрома Врангеля и падения Крыма эмигрировал в Чехию. После прихода туда советских войск был репрессирован и погиб в 1947 г.

Фото А. Кремлёва

дом с нами. А он получал подробную информацию о том, что происходит, по телефону.

Теперь – самые грустные страницы моих воспоминаний. Я, как и многие наши прихожане, присутствовала на последней службе о. Георгия 23 марта 2007 г. Он уже не мог сам держать Чашу, и она стояла на подставке, но во время целования креста к нему, наверное, пришли силы: на последних фотографиях, сделанных именно в этот момент, он буквально излучает любовь и свет.

Когда, лёжа в больнице, о. Георгий узнал, какое ему предстоит лечение, он позвонил многим, в том числе и мне (это было 19 апреля). Сейчас мне кажется, что тот звонок был почти прощанием, но тогда мне это не пришло в голову: мы все надеялись на его выздоровление – не сомневались в этом, т.к. представить, что о. Георгия не будет, было просто невозможно. Это ощущение поддерживал и тон его телефонных разговоров. Узнав, что он в больнице, я 2 апреля ему позвонила. Он был бодрый, даже весёлый, шутил: «Правая рука сломана, левая парализована, что остаётся?» На вопрос: что с ним, сердце? – ответил: «Для разнообразия – мозги». Но что за этим стояло, я ещё не знала.

В последние месяцы я звонила о. Георгию примерно два раза в неделю, очень боялась помешать, хотя он так радовался телефонным звонкам – ведь он был изолирован от своей обычной, чрезвычайно деятельной жизни. Он казался бодрым, таким, как всегда. Но иногда у него прорывались болез-

ненные нотки, и тогда становилось ясно, чего стоило ему так держаться («Лежу, как бревно...»).

Однажды я услышала в трубке отдалённые детские голоса. Выяснилось, что о. Георгий на улице, куда его иногда вывозят в кресле-качалке. Я порадовалась, что он может дышать свежим воздухом. Он ответил: «Стараюсь жить нормальной жизнью». И действительно, когда он находился дома, а не в больнице, он пользовался компьютером, писал письма, читал то, что ему присылали. Все мы помним его обращения к прихожанам нашей церкви, которые вселяли в нас столько радости и надежды. Но и боли.

О. Георгий по-прежнему не хотел говорить о себе, но входил в малейшие детали жизни окружающих – и как живо он на всё реагировал! Именно поэтому, как и раньше, я рассказывала ему о себе, о своих проблемах. Теперь настолько мелкими мне кажутся некоторые темы разговоров – ведь ему оставалось жить один-два месяца. Но кто знал об этом?.. Наверное, оправданием мне служит вера в его выздоровление – не смотря ни на что!

Вот одна из моих проблем, в которые я его посвятила. Нас обворовали «погорельцы», которые жили у нас то в Москве, то на даче под предлогом ухода за моим больным мужем. Обнаружив кражу, я поехала на дачу выгонять их. В эйфории от своего «смелого поступка», радуясь избавлению, я позвонила о. Георгию. И как заразительно, по-детски он смеялся, говоря: «Ну, вот хорошо! Главное, они теперь с вами не будут жить». А ведь это было меньше чем за месяц до его кончины...

Работая над своей книгой, я инстинктивно спешила – мне так хотелось, чтобы о. Георгий прочитал её! Когда я робко спросила (мысленно ругая себя за нахальство), можно ли присылать текст по электронной почте, он неожиданно согласился с большой радостью (думаю, он страдал от бездеятельности и стремился любым способом, преодолевая болезнь, принимать участие в нашей жизни). Я успела прислать о. Георгию половину – две главы. На вопрос, стоит ли продолжать, он ответил категорически: «Обязательно».

В последний раз я звонила о. Георгию примерно за неделю до

его ухода. Мне показалось, что он говорит напряжённо – наверное, ему было плохо и он усилием воли преодолевал своё состояние. Потом я пропустила очередной звонок: с большими трудностями мы перевозили на дачу моего 96-летнего мужа. 20 июня перевезли – и в тот же день он тяжело заболел. А 22 июня Светлана Лукьянова сообщила мне по телефону страшную весть...

Я думала, что теперь не смогу закончить книгу. Но потом поняла, что обязана это сделать – я же обещала о. Георгию. То страшное лето я выдержала именно потому, что каждую свободную от ухода за мужем минуту садилась за компьютер и писала, как бы продолжая беседу с о. Георгием. Книгу я посвятила его памяти.

И ещё раз – через полтора года после своей кончины – о. Георгий привёл меня в церковь. К тому времени меня постигло ещё одно горе: умер мой муж Сергей Васильевич Тураев – бесконечно родной человек, с которым я прожила 21 год. Во время его болезни и после смерти я была не в состоянии посещать церковь, хотя мне этого очень не хватало. Но однажды я увидела во сне о. Георгия, от которого буквально исходило сияние. Он взял меня за руку и привёл в наш храм. Это было чудо, ещё одно чудо из тех, что сопровождали мою жизнь в эти годы – благодаря о. Георгию. Я вернулась в церковь, и это было для меня настоящей радостью и большой поддержкой.

Прошло четыре года. Но по-прежнему о. Георгий присутствует в нашей жизни – «во сне и наяву», и кажется, что он, как добрый ангел, оберегает нас от бед. По-прежнему звучит его живое слово – в аудио- и видеозаписях, в изданиях его проповедей. По-прежнему сотни (если не тысячи!) людей приходят в Иностранную библиотеку, но теперь не для того, чтобы послушать его, а чтобы вспомнить о нём. А главное – по-прежнему он жив в сердцах многих-многих...

Я навеки благодарна Господу Богу за эту жизненную встречу. Думаю, что если бы «неслучайная случайность» не привела меня в храм Космы и Дамиана, к о. Георгию, моя жизнь была бы другой.

К 20-летию возрождённого храма

Ирина Языкова

Праздничный ряд

Продолжение. Начало в «Приходской газете» №72

Для иконы «Распятие» наши иконописцы избрали очень лаконичный извод, включающий только три фигуры: Христа, Богоматери и Иоанна. Этот извод восходит к тому месту Евангелия, где описан диалог между Спасителем, Его Матерью и любимым учеником: «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Её к себе» (Ин 19:26–27). Для нашего храма такой ракурс особенно важен, потому что мы хотим, чтобы приход становился настоящей духовной семьёй, братством, соединённым во Христе. И когда священник во время Литургии провозглашает: «Христос посреди нас!» – хочется смотреть именно на этот образ, потому что Господь присутствует среди нас прежде всего Своей крестной жертвой и Своим крестом соединяет нас воедино.

Интересно отметить, что Богоматерь изображена на этой иконе в синих одеждах, что бывает не часто, традиционные одежды Богоматери – вишнёвый мафорий,

закрывающий всю фигуру, синяя, едва видная туника и синий чепец, также только выглядывающий из-под мафория. Здесь же Богоматерь в синем одеянии. Это не случайно. Синий цвет символизирует и небесную чистоту, и святость, и непорочность, и глубину скорби. Всё это, несомненно, – свойства Пресвятой Богородицы, которые в данном изводе подчеркнуты особо.

Далее следует икона «Жёны-мироносицы у гроба Господня». Этот образ относится к иконографии Воскресения, на нём изображены три жены, пришедшие ко гробу и увидевшие, что он пуст, а там, где лежало тело, лежат свитые пелены. На камне же, отваленном от двери гроба, сидит белоснежный ангел, возвестивший им весть Воскресения. Вот как об этом повествует евангелист Марк: «По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца, и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба? И, взглянув, видят,

что камень отвален; а он был весьма велик. И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облечённого в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен» (Мк 16:1–6).

Иконографический извод, выбранный нашими иконописцами, относится к московской школе XV в., возможно даже, принадлежит Андрею Рублёву, потому что подобную иконографию можно видеть в рублёвской иконе из праздничного чина Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры. Очень удачно, единым силуэтом, решены здесь фигуры жён, они словно единое существо реагируют на происшедшее. Великолепна и фигура ангела с поднятыми вверх крыльями: в этом взмахе крыльев – торжество победы над смертью, торжество Воскресения, свидетельством которого и явля-

ется пустой гроб: смерть не смогла удержать Христа! Самого Воскресшего Господа на иконе мы не видим (в некоторых изводах эта сцена дополняется явлением Христа Марии Магдалине), тем более мы не видим Его выход из гроба (как это стали изображать с конца XVII в. под влиянием западной живописи); тайна Воскресения остаётся непостижимой и неизобразимой. Даже в тех изводах, где изображается Воскресение в образе «Сошествия во ад», эта тайна не нарушается, просто открывается её онтологическая сущность. Такой образ мы видим в алтаре нашего храма. Икона «Жёны-мироносицы у гроба Господня» перекликается также и с содержанием пасхальных стихир, в которых поётся: «Мироносицы жены утру глубоку представша гробу Жизнодавца, обретоша Ангела на камени сядяща, и той, провещав им сице глаголаше: что ищите Живого с мертвыми? что плачете Нелетленного во тли? шедше, проповедите учеником Его».

Следующая икона – «Вознесение» показывает возносящегося в небеса в сиянии славы Спасителя (Его возносят два ангела), ученики стоят и с удивлением смотрят на удаляющегося Учителя. Среди учеников – и Пресвятая Богородица, рядом с ней два ангела в белых одеждах, словно частичка славы Её Божественного Сына передаётся и Ей, и ангелы образуют как бы сияние вокруг Нее. Не случайно мы поём, прославляя Богородицу: «Честнейшую херу-

вим и славнейшую без сравнения серафим...»

Вознёсшись на небо и воссев одесную Отца, Иисус Христос призывает Своих учеников идти в мир и проповедовать Евангелие всей твари. Об этом Спаситель сказал им на горе Елеонской, обещая послать Святого Духа: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (Ин 14:26). И девятая икона праздничного ряда изображает исполнение этого обещания: «Пятидесятница, или Сошествие Святого Духа на апостолов» изображает двенадцать апостолов в Сионской горнице, на которых в виде огненных языков (лучей) сходит Святой Дух. В нижней части иконы мы видим изображение некоего странного персонажа на тёмном фоне с золотой короной на голове, держащего в руках плат. Это царь-космос, олицетворение вселенной, по которой распространяется после Пятидесятницы благовестие Христово. Эта фигура обозначает и то, что с самого начала проповедь Благой вести зазвучала на разных наречиях мира, ведь в тот день на праздник пришли люди с разных концов земли. В Деяниях апостолов мы читаем: «Когда сделался этот шум, собрался народ и пришёл в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в

котором родились? Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?» (Деян 2:5–11).

Событие Пятидесятницы св. отцы соотносили с вавилонским столпотворением. Только в Вавилоне люди, движимые гордыней, захотели построить башню до небес, чтобы возвеличить имя своё, поэтому Господь смешал их языки, они перестали понимать друг друга, и строительство башни не смогло завершиться. А в Пятидесятницу, напротив, люди разных наречий обретают понимание, потому что с этого момента начинается божественное домостроительство, созидание Церкви.

И, наконец, последняя икона праздничного ряда – «Успение Пресв. Богородицы». Начинаясь ряд с образа Рождества, когда Господь родился в мир, как рождается всякий человек. Завершается ряд образом «Успения», образом ухода из мира. Так и человеческая жизнь протекает от рождения до смерти. Но Христос дарит человеку жизнь вечную. В иконе «Успения» дан образ победы над смертью: Христос в золотых сияющих ризах (как изображается Он и на иконах «Воскресения») приходит к смертному одру Богоматери, чтобы взять Её душу на небо. Апостолы оплакивают уход Богородицы, не ведая, что Христос незримо стоит среди них, держа в руках Её душу, рождённую для жизни вечной. И мы, провожая своих близких в последний путь, должны помнить, что Победивший смерть открыл врата Царства Небесного для каждого, поэтому мы молимся за умерших, веря, что Спаситель введёт их в Свои вечные обители.

Так из разных сюжетов складывается единый образ жизни Спасителя, как он дан в Евангелиях и соотнесён с Литургией и нашей жизнью.

Александр Слободской

Полёты во сне или наяву?*

Памяти отца Александра Меня посвящая

Мне очень повезло в детстве: я летал, я несколько раз летал во сне, испытывая при этом чувства необычайной радости и реальности происходящего. Наутро оставалось почти мистическое ощущение того, что эти сны были такой же явью, как реальная жизнь. В ответ на мои рассказы мама отвечала мне, что так бывает, когда дети растут во сне. Подробности тех снов давно стёрлись из памяти, оставив в душе лишь воспоминания об испытанных чувствах.

Прошли годы, десятилетия. И вот на протяжении нескольких лет похожие сны снова явились мне, хотя я давно уже не молод. Последний из них посетил меня, когда за плечами у меня было далеко за шесть десятков прожитых лет. Ростом во сне эти сны уже никак не объяснишь, в таком возрасте «растут» только в землю.

Каждый последующий сон отличался от предыдущего нюансами, даже обстановкой, но всех их объединяло в одно целое и отличало от других снов главное: я летал и при этом испытывал ни с чем не сравнимые по глубине чувства. Причём подробности каждого сна были настолько реалистичны, что я помню их в мельчайших деталях, если бы эти события произошли со мной вчера.

Вот *первый из снов*. Я стою на вершине, высокого, но пологого зелёного холма. Внизу, у его подножия, чуть справа начинается голубоватое овсяное поле, а слева от него небольшая берёзовая рощица шевелит своими длинными косами от прикосновений ветерка. Над ближним краем поля завис жаворонок, трепеща крыльями, почти на уровне моих глаз. Его непрерывная переливчатая песня, кажется, минуя уши, вливается прямо в сердце. Зелёное пространство внизу пересекают извивы голубой ленты неширокой речки, которая появляется из-за рощи, огибает поле и теряется справа вдали. Её берега осеяны кое-где кустами

раkitника и плакучими деревцами ивы. А за речкой – снова поля, луга с разными оттенками зелёного, перелески, перелески. Редкие облака, неспешно бредущие друг за другом, светотенями углубляют палитру красок долины, меняя местами освещённые и притенённые участки картины, отчего она становится как бы живой.

Я наслаждался удивительным, и вдруг во мне открылось глубокое, пришедшее откуда-то извне, ранее никогда не испытываемое ощущение красоты всего увиденного. Теперь я смотрел на открывающуюся с холма картину совсем другими глазами, мне стали доступны такие детали и подробности, какие были недоступны раньше. Это открывшееся во мне глубинное ощущение красоты мира сопровождалось усилением необычайной радости и внутренней силы. Мне казалось, что от переполнявших меня чувств я могу вот-вот взлететь. Не успел подумать об этом, как тотчас же оторвался от земли, немного приподнялся над ней и завис в воздухе, а затем плавно опустился на прежнее место. «Я могу, я могу летать!» – всё ликовало во мне. Я поднял руки, чуть разведя их, усилием воли взмыл вверх и сразу оказался значительно выше жаворонка. Чтобы изменить положение тела в пространстве, мне не приходилось делать каких-либо мускульных усилий, достаточно было захотеть этого, тело стало невесомым и как бы бесплотным. Я не спеша летел над землёй, и передо мной открывались всё новые дали. В то же время при желании моё зрение было способно различить любую мельчайшую деталь, вплоть до букашки, ползущей по белому стволу берёзы, над которой пролетал. Обоняние обострилось, и теперь оно различало оттенки запахов разнотравья и полевых цветов.

М. Шарал. «Над городом»

Во время полёта меня переполняла какая-то неземная по силе гамма чувств: радость, ощущения красоты природы, свободы и раскрепощённости, если обобщённо сказать – ощущение полноты счастья.

Вернувшись на вершину холма, я всё ещё был переполнен впечатлениями от полёта. Внезапно промелькнула мысль: а вдруг всё это сон? Я ущипнул себя за ногу, почувствовал боль. «Вот видишь, всё это явь», – успел подумать я, и... приоткрыл глаза. Понял, что просыпаюсь, с трудом переходя к новой реальности. Но только что пережитое долго не отпускало меня и казалось более реальным, чем явь пробуждения.

Сон второй. Мы вдвоём бежим вверх по склону, я и незнакомая мне девушка в свободных белых одеждах. Тепло, солнце светит в спину. Над головой безоблачное небо поражает своей сапфировой бездонностью. Бежать мешает густая трава, которая цепляет за ноги. Я чуть впереди и помогаю девушке, держа её за руку. Меня переполняют те же чувства, как перед полётом в первом сне, а ещё страстное желание передать девушке способность летать и разделить с ней эту радость.

Повернулся к ней и говорю:
– Сейчас полетим.

Она молчит, и по её лицу вижу, что не понимает, о чём идёт речь.

* В основу сюжета положены реальные сны автора.

Тогда я отпустил её руку, немного взлетел над землёй и опустился рядом с ней.

На её изумление почти кричу ей:

– Ты сможешь, сможешь сделать это, надо только очень захотеть! Сосредоточься и делай, как я!

Я снова взял девушку за руку, желая через неё передать свою способность летать, и стал медленно-медленно подниматься над землёй. Натяжение рук возрастало, затем ослабло, и я почувствовал, что она поднимается вместе со мной. Лицо её преобразилось, осветилось счастливой улыбкой. Мы поднимались всё увереннее, всё быстрее, а на высоте разняли руки, и теперь каждый летел самостоятельно, но близко друг от друга. Я слышал радостный колокольчиковый смех девушки. Меня, как в предыдущем сне, переполняло чувство полноты счастья, но оно было ещё глубже, ещё полнее, чем прежде, потому что теперь я мог его разделять ещё с одним человеком.

Безжалостный звонок будильника буквально вырвал меня из этой сказочной яви. Надо вставать и идти на работу, хотя сознание опять, как и в первый раз, никак не хотело расстаться с пережитым.

Сон третий, последний сон. Событие происходит в каком-то замке, в громадной по площади и высоте зале. По-видимому, идёт какой-то приём, в помещение всё прибывают и прибывают новые, нарядно одетые люди. Я одет просто, по-спортивно, и это вызывает косые взгляды. Гости тихо переговариваются между собой, но смысл их разговоров не доходит до меня. В свою очередь, я пытаюсь объяснить окружающим, что пришёл сюда научить их летать усилием воли. Но понимаю, что моё обращение не доходит до них. Во мне нарастает нетерпение. Делаю жестами теснящим меня людям знаки, чтобы они расступились, и невысоко взмываю над толпой. Сверху вижу, что головы всех присутствующих повернуты в мою сторону. Опускаюсь в центр свободного пространства и снова обращаюсь к людям:

– Вы все можете это, надо только очень сильно захотеть!

Люди по-прежнему молчат, их лица не выражают ни интереса, ни

удивления, ни любопытства, они бесстрастны. Я понял тщетность моих усилий разбудить в этих существах желание летать, взмыл под своды залы и стал там парить. Снова ощутил непередаваемую радость, был готов поделиться ею с находящимися внизу людьми, но видел, что они перестали обращать на меня внимание и были заняты какой-то бессмысленной толкотнёй. Мне не оставалось ничего другого, как покинуть замок.

Описанные сны постоянно тревожили моё воображение на протяжении многих лет. По глубине переживаний, по яркости и реалистичности они не сопоставимы с обычными снами, которые забывались на следующее утро, хотя некоторые из них бывали цветными и имели мажорную тональность. Я сопоставлял также полноту радости от полётов со счастливыми событиями в моей жизни и пришёл к выводу, что глубина пережитого во сне превосходит пережитые в реальной жизни радости.

Правда, был ещё один сон, такой же глубокий по эмоциональному накалу, но он стоял как бы особняком и был связан с о. Александром. О нём несколько позже.

Меня постоянно глодало чувство, что эти три сна являются для меня каким-то знаком, но в суете будней я не находил времени, чтобы в тишине сосредоточиться на этих мыслях. Сейчас мне больше некуда спешить, и я попытался ещё раз пережить и проанализировать эти сны. Прежде всего, меня мучил вопрос, отчего так достоверно мне удалось во сне прочувствовать ощущение полёта. Личного опыта свободного падения при прыжках с парашютом, полётов на планере, а тем более перемещения в невесомости, которые в эмоциональном плане хоть как-то приближаются к моим переживаниям, у меня не было. Вопрос оставался открытым: «Откуда же? Откуда эта всеохватность радости при моих полётах?»

Вдруг как вспышка меня озарила мысль, что ключом к пониманию этих полётов является ещё один сон, о котором я упомянул и который бережно хранил в своей памяти. Вот он.

Раннее солнечное утро. Я иду вдоль высокой белой стены какого-то монастыря. Над стеной возвышаются купола храма тёмно-голубого цвета, словно само небо отражается в них. В косых лучах солнца горят золотые кресты и звёзды на куполах. Колокола звонницы зовут к праздничной литургии. Кроме меня, никого нет, все уже собрались в храме, я понимаю, что запаздываю. Впереди близок конец стены, там, за поворотом, – вход в храм. Сердце переполняется безмерной радостью, сейчас я увижу о. Александра, а вместе с этой радостью приходит глубинная убеждённость, что в храме незримо будет присутствовать ОН.

В этом сне о. Александра я так и не увидел, но почти физически ощутил, что он рядом. До сих пор я считал, что этим сном о. Александр хотел сказать мне, что всегда будет вместе с нами во время молитвы в храме, и ОН тоже будет обязательно присутствовать.

Ещё один важнейший посыл отца я понял только сейчас. Такую полноту радости, счастья можно испытать только тогда, когда ОН рядом с тобой. И эта мысль мне открыла понимание того, откуда это внезапное чувство полноты счастья, которое я испытывал в первых трёх снах: ОН присутствовал во всех этих снах незримо и давал мне силу летать!

Теперь я думаю, что в первом сне мне было дано понять, что, стоит очень захотеть, и с ЕГО помощью можно оторваться от земли и совершить «полёт» в более широком смысле этого слова. Во втором мне было показано, что, если разбудишь это желание ещё в ком-то и поможешь ему научиться «летать», твоя радость будет намного полнее. Третий сон – это выбор. У человека только два пути: или он стремится и «летает», или остаётся в безликой толпе и обречён на бессмысленную толкотню.

Дарованная мне явь полётов во сне неизбывной радостью освещает и будет освещать мою память до конца дней. В то же время постоянно тревожит вопрос: а что если я был помещён в другую реальность и действительно летал?

Чемодан

Алла Калмыкова

Звонит Алик Зорин: «Я с дачи возвращаюсь. Можно к тебе заехать, пластинки завезти? Помнишь, я обещал?» Голос как будто тревожный. Или показалось? Заехать можно, конечно, мы с сыном никуда не собираемся – вечер уже, в девять его укладывать. А «пластинки» на условном языке прихожан отца Александра, чьи телефоны стоят на прослушке, значит «книжки». Наверное, случилось что-то...

Алик – крёстный моего Сашки. Это ему я обязана приходом в церковь. Теперь, с расстояния в три десятка лет, оглядываюсь на себя тогдашнюю и вижу что-то железобетонное, вроде Чернобыльской АЭС под саркофагом. На первых службах в Новой Деревне рука не поднималась перекреститься. А до этого...

Теперь не вспомнить, в какой именно момент возникло внутри отчётливое: надо крестить сына. Верующих вокруг не было никого. Вспомнила про Сашу Тихомирова, поэта. Он, по рассказам, однажды работал на реставрации какой-то церкви.

Попросить его стать крёстным моего сына я не успела. Торопился зимой на последнюю электричку из Переделкина, перебежал перед ней пути, попытался вскочить на платформу, руки соскользнули с наледь... На девятый день и на сороковины собирались у Наташи. Двухлетняя Дашенька в неведении смотрела на нас папиными небесными глазами... Там мы и познакомились с Аликом Зориным. Когда Наташу с дочкой согнали с очередной съёмной квартиры, они переехали к нам, и Сашины друзья стали навещать их у нас на Лосинке.

На мою просьбу Алик отреагировал ошеломляюще: «А зачем его крестить? Думаешь, болеть не будет? В этом есть смысл, только если ты готова дать ребёнку христианское воспитание». И уехал. А я всю ночь думала и к утру додумалась до того, что Алик прав и обижаться тут нечего. Но какое может быть христианское воспитание, если сама не в церкви?

Зорин вскоре появился опять – и, как

ни в чём не бывало, заговорил о крещении, о том, что мальчика, тогда уже трёхлетнего, надо подготовить, чтобы он не испугался непонятной процедуры. Я как могла стала рассказывать Сашке о том, что ему вскоре предстоит.

Мне казалось само собой разумеющимся, что крестить будет о. Александр в Новой Деревне, но вышло иначе. То ли он был в отъезде, то ли ещё по какой причине произошло это не в церкви, а дома, и не у о. Александра, а у другого священника, о. Г., тоже жившего в Семхозе. Мы приехали на дачу к Зориным с вечера, переночевали, а утром под моросящим дождем отправилась в посёлок. В домашней часовне батюшка совершал обряд по полному чину, и мой мальчик серьёзно и важно повторял троекратное: «Отрицаюсь...» Но когда в таз налили тёплой воды и попросили раздеть новокрещаемого, он задал такого ревака, что батюшка, оторопев, лишь покропил ему голову. Выйдя проводить нас на крыльцо, о. Г. спросил:

– А вы мальчика своего стукаете?

– В каком смысле?

– Ну, шлёпаете?.. А я вот своих – стучаю. Ребёнок должен понимать, что вы – ро-ди-тель, а он – всего-навсего ребёнок!..

Незадолго до того Сашке бездарно и изуверски лечили зубы. Впервые оказавшись в страшном кресле, он доверчиво открыл рот и поначалу терпел, но когда молодой врач просверлил ему мягкий молочный зубок насквозь, взвыл, сполз с моих колен и, не оглядываясь, пошёл на выход. Потом были

разные кабинеты и разные врачи. Все как один орали на меня: «Готовить ребёнка надо!»

Одна тётка додумалась разжимать ему челюсти колпачком от губной помады, и он возопил так, что по всему лицу выступила слюна. Наконец нашлась врач, умевшая ласково и весело обходиться с детьми: он позволил ей сделать всё что нужно – и не пикнул.

Понимая, почему мальчик испугался батюшки, я всё равно была огорчена: мне почудился в этом протестующем плаче недобрый знак. По дороге к станции Алик меня утешал. Сашка, вполне успокоившись, восседал, как на коне, у крёстного на плечах...

Было уже совсем поздно, когда Зорин с потемневшим лицом, с тяжёлым рюкзаком на спине позвонил к нам в дверь. Крестник его давно спал. Первым делом, подойдя к телефону, Алик произвёл какие-то ему одному ведомые манипуляции, приложил к уху трубку. «Имей в виду: прослушивается», – ткнул он пальцем в аппарат, немного отвёл и зафиксировал диск огрызком карандаша и придушил гада подушкой.

Мы пошли на кухню. Есть Алик отказался, выпил только пустого чаю с черняшкой.

– Отца на допросы таскают, – сказал он, – кое у кого из наших были обыски. А ты в приходе недавно, ездишь редко. Можешь у себя книжки подержать какое-то время? Я их на даче прятал, но они и туда могут награться.

– Да что ты спрашиваешь? Конечно, оставляй.

Алик вытащил из рюкзака чемодан. Тяжеленный – как только довёз? Мы засунули его в диван.

С разрешения хозяина вечерами, уложив сына, я читала неведомый мне прежде «самиздат». Конечно, начиная ещё со студенческих лет, ведомы были самиздатские Мандельштам и Гумилёв, М. Булгаков (сама переписывала на машинке с пятью закладками «Собачье сердце» и «Роковые яйца») и Войнович, Солженицын и «Доктор Живаго». А в зоринском чемодане лежало совсем другое: о. Сергей Булгаков, К. Леонтьев, Бердяев, подслеповатая «Памятка о проведении Великого поста» на папиросной бумаге, «Таинство, Слово и Образ» и много чего ещё. Это был новый язык, новое понимание мироустройства, которые поначалу не могли пробить толстые стены моего совкового саркофага – на это требовалось время. Должна была накопиться некая критическая масса, чтобы реакция пошла.

Летом к нам приезжала из Тамбова моя подруга Марина с дочкой – тоже Сашей. Дети знали друг друга

со второго года своей жизни и очень дружили.

*Спокойно слоняясь
в лосиноостровском ионе
С песочницей, пахнувшей кошками
пряно, как труп,
Сегодня и давеча, вечером и накануне
Я слушала, как израстает
у дочери зуб... –*

писала Марина о той блаженной поре.

Телевизор у нас был предан забвению. Дети могли бесконечно долго слушать книжки, а иногда вечером мы вешали на стену простыню, выключали свет и крутили старые, ещё времён нашего детства диафильмы. Детям нравилось, что таким «кино» можно управлять: возвращать плёнку назад, рассматривать картинку сколько хочется, самим выбирать, какой диафильм

смотреть сегодня. Только вот фильмов в обувной коробке было не так уж много.

Однажды, роясь в зоринском чемодане, я обнаружила на дне свёрток, на который раньше почему-то не обращала внимания. (Впрочем, что значит «почему-то»? Просто время не пришло.) Развернула – и увидела баночки с диафильмами, на которых не было этикеток. Решили посмотреть, что там, вставили плёнку в проектор – и обомлели. Это были кадры фильма Дзеффирелли, из которых о. Александр смонтировал диафильм о Христе. Поскольку кассеты с комментариями батюшки в чемодане не было, мы, показывая детям сразу любившийся им диафильм, вели рассказ сами.

Так что же, о. Александр взял на себя христианское воспитание моего сына, которого я сама не могла

ему дать? Выходит, так. И не только сына. Теперь-то ясно, что этот диафильм, обращённый прямо к сердцу, запустил реакцию: в саркофаге образовалась трещина.

Так наш Господь иногда улыбается. Смотрите: стоит в комнате диван, в диване – чемодан, в чемодане... Ну, об этом я уже рассказывала. И почему-то вокруг этого чемодана столпились сплошные Саши-Алики: предполагаемый, но не состоявшийся крёстный – Саша; реальный крёстный – Алик; подружка моего сына Саши – Саша, звавшая его Алюней (так и мы стали его называть, для различения); в центре этого хора – о. Александр, в детстве звавшийся Аликом. А сверху наблюдает за ними всеми небесный покровитель о. Александра – св. Александр Невский. Он покровитель и моего сына, и его крёстного: оба родились в сентябре. ✕

ПОЭЗИЯ

Ольга Рычкова

Чистый голос Странника

Имя Странника в сборниках стихов Русского зарубежья, казалось, скрывало какую-то тайну. Мир его поэзии был удивительно светлым, с трогательно хрупкими образами: Земля «на ниточке меж несчастьем и раем», Ангелы, за которых некому заступиться... И, несмотря на печаль и боль, неизбежную для живущих в изгнании, в его стихах не было безнадежности, их наполняла дивная, всё покрывающая радость: Земля удержится любовью, Ангелы придут «последней беззащитности навстречу»...

Тайна его стихов – это, конечно, тайна его жизни.

Псевдонимом Странник подписывал свои стихи архиеп. Иоанн, в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской.

Потомок старинного дворянского рода князь Д.А. Шаховской родился в Москве в 1902 г.; осенью 1915 г. он поступил в Императорский Александровский лицей, но занятия в нём были прерваны революцией 1917-го. В 17 лет Дмитрий Шаховской стал участником Белого движения, а с 1920 г. началась его жизнь в изгнании. Впрочем, он говорил: «Мы не в изгнании, мы в послании...»

В 1921 г. он начал учёбу в Париже в *Ecole Libre des Sciences Politiques*, затем в 1922 г. поступил в старейший в Европе Лувенский университет (Бельгия) на историческое отделение философско-словесного факультета. В 1923–1925 гг. вышли три его поэтических сборника, в 1925 г. Дмитрий Алексеевич начал издавать журнал «Благонамеренный», где публиковались многие известные писатели и поэты Русского зарубежья: М. Цветаева, И. Бунин, В. Ходасевич, А. Ремизов. Сам Д. Шаховской писал философские статьи для журнала Н. Бер-

дяева «Путь». Это было начало блестящей карьеры литератора и философа...

Летом 1926 г. князь Шаховской уехал в Грецию и вскоре принял монашеский постриг на Афоне с именем Иоанн в честь апостола любви св. Иоанна Богослова. «Никаких разочарований в жизни у меня не было. Господь меня привлёк к Себе только одной любовью. В свете её побледнела всякая иная любовь».

Вот в чём тайна Странника, тайна небесной радости его стихов – он чувствовал себя любимым Богом. Он видел в окружающем мире чудо Божией любви.

После принятия монашества он учился в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже, в 1927 г. был рукоположен во иеромонаха. Его пастырское служение началось в Бела-Црква в Сербии. Здесь он был настоятелем Георгиевского храма и наставником в Пастырской школе. Иером. Иоанн открыл в приходе издательство «Борьба за Церковь». «Я полюбил сущность Церкви, её мудрость, её единство во всех народах, культурах и веках, несмотря на многие её формы. К Слову Божию у меня появилось глубокое личное чувство: я понял, что Евангелие не есть только идеальная Исти-

на для всего мира, но и личное, всякий раз неповторимое Слово, письмо Бога ко всякому человеку в мире, письмо, прочитываемое человеком лишь в меру его духовного сознания».

С 1932 г. митр. Евлогий назначил иером. Иоанна настоятелем Свято-Владимирского храма в Берлине. В июле 1938 г. гестапо пыталось выслать архим. Иоанна из страны за то, что он «вносит беспокойство в среду здешней русской эмиграции подчёркнуто дружественными евреям проповедями...» О. Иоанн отвергал расовую теорию нацизма, считая её несовместимой с христианской верой. События сложились таким образом, что гестапо было предложено наблюдать за «развитием дела Шаховского», не прибегая к высылке.

В одном из своих выступлений того времени архим. Иоанн говорил: «Если бы даже решено было выслать нас (духовенство) из Германии, мы спокойно подчинились бы, считая, что Бог посылает нас в ту страну, куда нам пришлось бы выехать. Но принципов нашего вероучения, церковной дисциплины и совести нашей мы не можем приспособлять к условиям и требованиям момента и желаниям лиц, посторонних Церкви...»

В 1946 г. он уехал в США, где был настоятелем храма Божьей Матери в Лос-Анжелесе, в 1947 г. был хиротонисан во епископа Бруклинского Американской Православной Церкви, был деканом Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк), в 1961 г. был возведён в сан архиепископа Сан-Францисского и Западной Америки.

Владыка Иоанн вёл на радиостанции «Голос Америки» цикл «Беседы с русским народом», считая их своим главным служением Господу.

Архиеп. Иоанн умер в 1989 г. в Санта-Барбаре; там он похоронен на сербском кладбище.

Поэты Русского зарубежья мечтали «вернуться в Россию стихами». Слышим ли мы эти голоса, пришедшие «от великой скорби» изгнания? Среди них есть дивный голос Странника. Это тихий разговор душ, это прикосновение к удивительным тайнам жизни, это и воспоминание, и надежда, и чистые слёзы...

«Поэт милостью Божией имеет власть превращать воду человеческих слов в вино, а это вино обращать в кровь Слова» (*Странник*).

✻ ✻ ✻

Всё связано порукою земной –
За зверем ночь, простор за
белой птицей;

Но кто укроется за белизной,
За ангела кто может заступиться?
Нет беззащитней в мире, чем они,
Нет утаённой их в холодном мире.
Пред ними надо зажигать огни,
Их надо петь

на самой громкой лире.
И говорить, что ангелы всегда,
Спасая смертных, падают в пучину.
Они идут с волхвами, как звезда,
Хранят рождение,

пестуют кончину..
Но сколько оскорблений,
СКОЛЬКО СЛОВ
Мир говорит об ангелах впустую –
«Всё существует средь

земных основ,
И только ангелы не существуют!»
Хранитель Ангел, если и любя
Твой шёпот я поранил

невниманием,
Прости меня. Я знаю, что тебя
Увидят все в час позднего свиданья.
Когда наступят сумерки земли
И свяжутся навек пустые речи,
Все ангелы придут, как корабли,
Последней беззащитности

навстречу.

Молитва о молитве

Молитву, Боже, подай всем людям.
Мы так немудры,

а — всех мы судим.
В нас нет молитвы и нет виденья,
Нет удивленья и нет прощенья.
Нас неба мудрость найти не может,
И наша скудость нас мучит, Боже.
Дай из пустыни нам выйти ныне,
Мы алчем, жаждем

в своей пустыне.
 Мы дышим кровью
 и рабским потом,
 А смерть за каждым за поворотом.
 Любовь и веру подай всем людям,
 В нас нету меры, но мы не будем
 Ни жизни сором,
 ни злом столетий —
 Прости нас, Боже, Твои мы дети!

Чистота

Без веры нет ни в чём у нас участия.
В садах незримы вечные цветы.
Меж равнодушьем и пристрастьем
Лежит дорога чистоты.
И нет для нас уже пути иного, –
Как вера, чистота земле дана.
Чем чище жизнь, тем тише слово
И сокровенней тишина.

Иночество

Ничего я больше не хочу, —
Только дай мне, Господи, свечу,
Этот малый, тихий огонёк,
Чтоб его до смерти я берёг.
А когда средь раннего утра
Мне в Твой Дом идти придёт пора,
В тишине Своей, не пред людьми
Сам из рук моих свечу возьми.

* * *

Сегодня ночью плакали сирены
О бедной человеческой судьбе.
А мы вернулись, Господи, к Тебе
Из долгого, мучительного плена.

И тихо стало нам и так легко,
По-новому светло и терпеливо;
А где-то в небе высоко
Гремели молнии разрывы.

То от миров иных склонилась Мать
К сынам неверья и роптанья,
То к людям приходила благодать
Последнего всемирного призванья.

Земля

В каждом новом дне и годе
Есть безмерности река.
Всё быстрее мир уходит
Лёгким дымом в облака.

И земля всегда на грани,
На отлёте, без корней,
Словно ты последний странник,
Притаившийся на ней.

Песнь Назарета

Если ходишь по земным дорогам,
Светлый дух в тебе самом – награда.
Не молиться только Богу надо,
Но и жизнью целой петь пред Богом.

Он – Отец. Неси Ему все раны,
Все счастливые свои мгновенья, –
Слёзы человечества и пенье
Одинаково Ему желанны.

✱ ✱ ✱

Чем старше мы, тем голос тише,
И часто Кто-то нас зовёт
Сквозь музыку четверостиший
В какой-то медленный полёт.

И сами мы ещё не знаем,
В какую радость мы идём,

